

Обществознание большинства

2.

Г.Я.РАКИТСКАЯ,
доктор экономических наук

СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ (эксплуатация как тип социально-трудовых отношений)¹

Проблематика эксплуатации воспринимается донельзя политизированно (в худом смысле этого слова, в смысле оголтелой предвзятости). Российские реформаторы-либералы не любят, мягко говоря, и отрицают понятие “эксплуатация”, поскольку их идейные наставники объявили и эксплуатацию, и классовое деление общества, и типизацию обществ (социализм, капитализм и все прочие “измы”) “давно прошедшими” заблуждениями. Защитники же прежнего общественного устройства, всё ещё пропагандирующие его как социализм и продолжающие применять социалистическую и

---

¹ *Эту статью я направила в сентябре 2005 в журнал «Вопросы экономики». Мне стало подозрительным, что напечатанные в этом журнале в последнее время несколько статей о марксизме явно избегают проблематики эксплуатации. Подозрения оказались не беспочвенными. Редакция была в полном недоумении: «Зачем Вы написали эту статью?» Редакторам проблемы эксплуатации представлялись абсолютно неактуальными, а тенденция развития системы капиталистической эксплуатации в сторону глобализации тоталитаризма – надуманной, противоречащей реальности. И они откровенно сказали мне об этом, отказавшись от публикации статьи. Я хочу зафиксировать этой статьей, что в современной России имеются не только наёмные эксплуатируемые, не только наёмные эксплуатирующие (менеджмент), и не только частные капиталистические собственники (эксплуататоры). Есть ещё и учёные-обществоведы, развивающие теорию эксплуатации, надеясь на её практическое востребование российским и международным движением трудящихся и эксплуатируемых. (Г.Р.)*

марксистско-ленинскую фразеологию, рассуждают об эксплуатации в “уличающе-обличительном” ключе. Ни те, ни другие не судят об эксплуатации в пространстве точного обществознания и научной (классовой по самому своему определению) политической экономии.

Обойтись без рассмотрения проблем эксплуатации никак невозможно, если рассматривается *тип* общественных отношений вообще и социально-трудовых отношений в частности. Следует при этом отвлечься от остро актуального политического и идеологического контекста проблематики эксплуатации, сосредоточиться на ее научной стороне, то есть на вопросе о научных подходах и способах типизации общественных отношений.

Вычленим качественное содержание тех отношений, для научного отражения которых применяется категория эксплуатации. Будем исходить из того, что наименование является исходным и требующим содержательного наполнения. Напротив, в реальной общественной системе имеется нечто содержательное, требующее точного (определённого) научного понятия. Такой подход выводит дискуссию об эксплуатации из пространства спора о словах, ставит на обсуждение вопрос о том, существует или нет в реальности некий содержательный тип и круг социальных отношений (процессов).

Исходный и не требующий специальных доказательств факт - *социализированность* (обобществлённость, совместность) преобразовательной практики. Формы социализированности практики - её разделение (специализация) и кооперация (обмен деятельностью).

Не подвергается обычно сомнению и факт *неравномерного распределения* эффекта (результата) социализированной практики между ее участниками. Вопрос о справедливости или несправедливости такого распределения - это уже вопрос восприятия и ценностной оценки самого реального факта неравномерного распределения эффекта.

И те, кто обосновывают наличие эксплуатации, и те, кто обосновывают ее отсутствие или даже невозможность, имеют перед собою одну и ту же реальность, но рассматривают и оценивают ее с разных мировоззренческих позиций. Этим и объясняется, что учение об эксплуатации может иметь высокую практическую ценность, не имея на определенных этапах своего развития достаточно строгих научных доказательств.

Выдвижение современной теории эксплуатации актуально, поскольку в ходе реформ 1990-х годов отечественные адепты западных либеральных учений стали активно переносить в научную литературу на русском языке давно известную аргументацию об отсутствии, невозможности эксплуатации или же об ее исторической преодолённости, по меньшей мере, в современных лидирующих странах². Существующие концепции эксплуатации (особенно Марксова теория прибавочной стоимости) критикуются как заведомо слабые, игнорирующие факты или же как отставшие от исторической практики.

Моя позиция относительно существующих концепций эксплуатации состоит в следующем. Защищать от критики целесообразно лишь конечный вывод. Имеющиеся теории эксплуатации (в том числе и Марксова) не используют ряда фундаментальных обоснований. Есть возможность и необходимость подвести под вывод об эксплуатации как системе (типе) общественных отношений новую – более строгую систему доказательств и аргументов, вобрав в нее кое-что ценное и несомненное из прежних представлений.

---

² См., например, материалы заочного круглого стола “Эксплуатация: марксистская теория и реальность” (Мировая экономика и международные отношения // 1992. № 12, 1993. № 1, № 3). Вот типичное утверждение: “...При том общественно-экономическом строе, который, используя созидательную функцию капитала, развивается на Западе, ... эксплуатации, как таковой, теперь в принципе нет и быть не может” (Эльянов А. Возможна ли эксплуатация при развитом рынке? // МЭ и МО. 1992. № 12. С.87).

Идеологии и теории, оперирующие понятием “эксплуатация”, выстраиваются на представлениях о социально-экономических отношениях, складывающихся по поводу социализированной практики и распределения полученного эффекта, как о *несправедливой* (с точки зрения трудящихся классов) системе. Несправедливой потому, что пропорции распределения эффекта от социализированной практики между ее участниками не соответствуют (несоразмерны) соотношению их трудовых вкладов в этот эффект: доля трудящихся классов меньше, чем доля их трудового вклада в общий эффект. Зафиксирую два основных содержательных постулата теорий эксплуатации.

Первый постулат: противоречие социализированности труда и производства и несоответствия реального присвоения трудящимися эффекта их реальному участию в труде и производстве *не есть нарушение общественного устройства (порядка), а есть само существо* определённого общественного устройства. Это существо воплощается в регулярно воспроизводимый и совершенствующийся механизм осуществления общественного воспроизводства (распоряжения ресурсами, организации хозяйства, распределения эффекта).

Второй постулат: эксплуатация как система общественно-экономических отношений *не есть нечто естественное и вечное*, самой природой заведённое, а исторически преходящее, возникшее как следствие противоположности интересов разных частей общества. Фиксируется и ставится в центр внимания именно исторически возникшая и воспроизводящаяся несправедливость распределения (разделения) эффекта.

Первый из постулатов (об эксплуатации как общественной системе) известен с древних времен. И второй в сущности высказывался вполне отчетливо и разнообразно (к примеру, известная формула П.-Ж.Прудона “Собственность – это кража”). В отечественном обществознании в советские времена стала безальтернативной Марксова трактовка эксплуатации.

Подчеркну, что теории эксплуатации присущи науке, которая базируется на идеологиях, отражающих интересы трудящихся. Идеологии же и теории, отражающие интересы тех социальных групп, в чью пользу действует система несоразмерности доли присвоения эффекта и трудового вклада, не только не признают эксплуатацию, но отрицают и саму отмеченную несоразмерность. Вести научные дискуссии между учёными, отражающими противоположные классовые позиции и интересы, конечно, можно. Но нет шансов переубедить идейно-теоретических противников. Польза от подобных дискуссий, впрочем, немалая: они помогают тем и другим углубиться до сути вопроса и развивать собственную классовую идеологию и науку и как составную часть культурного пространства жизни класса.

Обратимся к типичным дефинициям эксплуатации.

“Эксплуатация - ... присвоение результатов чужого труда собственниками *средств производства* в классово антагонистических общественно-экономических формациях...”³. Или: “Наёмный рабочий при вступлении в сделку с капиталистом получает от него лишь эквивалент стоимости рабочей силы и ничего более. Своим же трудом он не только воспроизводит стоимость рабочей силы, но создаёт и *прибавочную стоимость*, а капиталист присваивает этот результат неоплаченного труда наёмного рабочего”⁴.

Присвоение результатов чужого труда или присвоение результатов неоплаченного труда - эти определения ухватывают одну из содержательных сторон эксплуататорских отношений. Но они недостаточно строги, неполны, особенно если несоразмерность присвоенного результата и вклада в его производство вырывается из контекста общественно организованного труда и производства, если не уточняются социальные условия ее превращения в эксплуатацию.

---

³ Хандруев А.А. Эксплуатация // Экономическая энциклопедия. Политическая экономия. Том 4. М. 1980. С.558.

⁴ Политическая экономия. Учебник для вузов. /Медведев В.А., Абалкин Л.И. и др. М. 1988. С.167.

Первоисточник распространенных ныне стереотипных определений эксплуатации - учение К.Маркса об эксплуатации, как оно дано в первом томе “Капитала”, особенно в главе четвертой “Превращение денег в капитал”.

Прежде всего приходится с сожалением отметить, что К.Маркс с излишним старанием втискивает человека в модельное прокрустово ложе “экономического человека”, азартно не принимая во внимание всё человеческое, общественное и гражданское, что лишне для модели “экономического человека”. К.Маркс убирает из поля анализа всё, что “выходило бы за рамки анализа товара”⁵. Такой ход мысли был продиктован, по-видимому, внутренней установкой, согласно которой противоречия товара и логика развития товарного обращения порождают деньги, а деньги в порядке самодвижения превращаются в капитал. В истории, однако же, не так. Не деньги порождают капитал как исторически новую форму эксплуатации, а система эксплуатации на определенном этапе своего развития *осваивает товарно-денежные отношения* и перебирается из своей формы по преимуществу внеэкономического насилия в форму капитала.

То, что указанная внутренняя установка существовала и действовала, подтверждает и то обстоятельство, что у К.Маркса, Ф.Энгельса, у В.И.Ленина уничтожение эксплуатации мыслится непременно как уничтожение товарно-денежных отношений, рыночных отношений. Они рассуждают так, будто рынок и товарно-денежные отношения порождают капитал и капиталистическую эксплуатацию⁶.

По Марксу, возможность самовозрастания стоимости заложена в особом свойстве товара рабочая сила. В связи

---

⁵ Маркс К. Капитал. Критика политической экономии. Том первый / Маркс К., Энгельс Ф. Соч. 2-е изд. Т.23. М. 1960. С.180 (далее первый том “Капитала” цитируется по этому же изданию).

⁶ Напомню, что введение НЭПа (пусть даже “всерьез и надолго”) считалось “отступлением”.

с этим Маркс обозначает два условия, необходимые “для того, чтобы владелец денег мог найти на рынке рабочую силу как товар”: “...Владелец денег лишь в том случае может превратить свои деньги в капитал, если найдет на товарном рынке свободного рабочего, свободного в двойном смысле: в том смысле, что рабочий – свободная личность и располагает своей рабочей силой как товаром и что, с другой стороны, он не имеет для продажи никакого другого товара, гол, как сокол, свободен от всех предметов, необходимых для осуществления своей рабочей силы”⁷.

И следом за этим идет абзац, который обозначает ту **развилку мысли**, от которой К.Маркс повел анализ не лучшим образом. Вот этот текст: “Вопрос, почему этот свободный рабочий противостоит в сфере обращения владельцу денег, не интересуется владельца денег, который находит рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка. *И нас он пока интересуется столь же мало* (курсив мой – Г.Р.). Мы теоретически исходим из фактического положения вещей, так же как владелец денег исходит из него практически. Одно во всяком случае ясно. Природа не производит на одной стороне владельцев денег и товаров, а на другой стороне владельцев одной только рабочей силы. Это отношение не является ни созданным самой природой, ни таким общественным отношением, которое было бы свойственно всем историческим периодам. Оно, очевидно, само есть результат предшествующего исторического развития, продукт многих экономических переворотов, продукт гибели целого ряда более старых формаций общественного производства”⁸.

Целостный конкретно-исторический контекст изучаемого вопроса (откуда взялся “рынок труда в готовом виде как особое подразделение товарного рынка”) К.Марксу виден, но “пока интересуется мало”, “выходит за рамки анализа товара”⁹. Вывести эксплуатацию из

---

⁷ Маркс К. Капитал. Том первый. С.179

⁸ Маркс К. Капитал. Том первый. С.180.

⁹ Там же. С.180.

внутреннего свойства отдельного товара! – вот исследовательское наваждение К.Маркса. Ради этого убираются все свойства и способности человека, кроме способности быть рабочей силой и на срок продавать ее как товар. К.Маркс тем самым *полностью выводит человека из целостного общественного контекста* ради того только, чтобы изобразить его равноправным с капиталистом товаровладельцем, который вел бы с капиталистом взаимоотношения как собственник с собственником¹⁰. Это, что называется, тощая абстракция, которая вывела К.Маркса из русла его же собственного историко-материалистического подхода.

Двигаясь от “развилки мысли” по пути историко-материалистического (целостнообществоведческого) анализа, мы пришли бы к иному, чем К.Маркс, выводу: чтобы эксплуатация могла начаться и осуществляться в капиталистической форме, она должна была иметься как тип (система) общественных отношений в докапиталистических формах, ибо *рыночные механизмы, товарно-денежные отношения, товары, деньги сами по себе ничего капиталистического (шире – ничего эксплуататорского) в себе не содержат*. Законы рыночных механизмов – стоимостные (косвенные) соразмерения эффектов, эквивалентные обмены. У механизмов эксплуатации законы совсем иные. Исследуя товар и его противоречия, можно логично прийти лишь до появления денег, но невозможно объяснить, почему деньги превращаются в капитал.

Не требуется большого воображения, чтобы убедиться, что из выручки за товары капиталист уплачивает наемным работникам только часть. Более того - только часть из прироста стоимости, которую дало применение рабочей силы. Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости. Но разве такое соотношение – прирожденное, естественное свойство рабочей силы? Почему стоимость рабочей силы и заработная плата не могут достигать величины всей вновь

---

¹⁰ См.: Там же. С.178.

созданной стоимости? Или могут? Эти вопросы остаются за пределами исследования, не выходящего, по словам Маркса, “за рамки анализа товара”. Единственное, что установлено, так это факт уплаты наемному работнику не всей, а лишь части вновь созданной живым трудом стоимости. Отсюда и берут свое начало стандартные определения эксплуатации как присвоения результата чужого или результата неоплаченного наемного труда.

В этой связи требуется присмотреться к категории “*присвоение*”. Категория “присвоение” (это удивительно, но факт) не имеет специальной научной трактовки и не встречается в специальных научных словарях и энциклопедиях, хотя ее присутствие в ряде ключевых политико-экономических дефиниций – обычное дело. Это можно считать косвенным аргументом в пользу того, что понятию “присвоение” оставляется его обыденный (“здравый”) смысл: “присвоить - значит взять себе, оставить за собой, не отдать другим”.

В этом значении понятие “присвоение” может вполне успешно обслужить научное описание лишь *имущественных*, то есть *субъектно-объектных* отношений и может быть конкретизировано в присвоение-распоряжение, присвоение-владение, присвоение-пользование и др.. Конечно, и “имущественный” смысл присвоения, говоря словами К.Маркса, “несет на себе следы своей истории” и целостного общественного контекста. Это воспроизводственный контекст. Логическая структура воспроизводства: распределение – обмен – потребление. Присвоение в “имущественном” смысле оказывается процессом и результатом фазы (сферы) *распределения*. Однако одного только “имущественного” смысла присвоения обществоведению и даже политической экономии мало.

Выявляя законы движения тех или иных типов обществ, политическая экономия и обществоведение в целом обращаются к противоречию характера производства (точнее, воспроизводства) и характера присвоения. К примеру, противоречие общественного (обобществленного) характера капиталистического

производства и частнокапиталистической формы присвоения. Категорию “присвоение” привлекают здесь к обозначению свойств *общественной формы* воспроизводства, то есть в ином смысле, нежели имущественный. Принципиальное расхождение между этими смыслами: в “имущественном” смысле присвоение есть отношения субъектов к объектам, а в другом (неимущественном) – отношения между субъектами, *субъектно-субъектные* отношения.

Субъектно-субъектные отношения присвоения – это *властные отношения*, в том числе властно-хозяйственные (собственность есть власть в хозяйстве; это понимание собственности достаточно известно).

Существующие теории эксплуатации, применяя понятие “присвоение”, применяют его в “имущественном” смысле. *Трактовка эксплуатации через “имущественное” понимание отношений присвоения – трактовка плоская, недостаточная, оставляющая в стороне самое главное в отношениях эксплуатации.* Что, собственно говоря, дает нам для понимания отношений эксплуатации ее определение как присвоения результатов чужого труда или результатов неоплаченного труда?

Первое. Превращение денег в капитал трактуется как закономерное следствие саморазвития товарно-денежных отношений. Оно (это превращение) проистекает якобы из внутренних свойств товара и денег (говоря словами К.Маркса, “на основе имманентных законов товарообмена”, “на почве товарного обмена”). Как только пространство рынка (товарно-денежного обращения) распространяется настолько, что товаром становится рабочая сила и деньги могут покупать этот товар, деньги превращаются в капитал. Наём, получается, порождает капитал.

При таких трактовках устранение капиталистической формы эксплуатации из жизни общества неизбежно требует отказа от использования в организации хозяйства товарно-денежных отношений и рынка. История тоталитаризма в СССР отчетливо показала, как опасна

антитоварная идеология. Хозяйствование “без услуг прославленной стоимости” (выражение Ф.Энгельса) оказалось в практике XX века адекватным сталинистской (и не только сталинистской) разновидности фашизма. Идеология и теория антитоварности, враждебности к товарно-денежным отношениям и рынку, то есть “рыночный нигилизм”, свойственный догматическим и левацким течениям (называющим себя то марксистскими, то левыми), - следствие методологического заблуждения у основателей-идеологов, излишней прямолинейности у первого поколения их последователей и фанатического скудоумия – у современных последователей.

Второе. Суть эксплуатации усматривается в том, что часть вновь созданной стоимости присваивается (берется себе) капиталистическим предпринимателем, собственником средств производства.

Стоимость рабочей силы меньше вновь созданной стоимости – вот часть открытой К.Марксом тайны прибавочной стоимости. Но подобная пропорция (деление на необходимый и прибавочный продукт) характерна для всякого расширенного воспроизводства. Не капитал изобрел это деление. И докапиталистические формы эксплуатации состояли в изъятии (“присвоении”) прибавочного продукта господствующими социальными группами – собственниками.

Вопрос о том, почему прибавочный продукт стал так называемой прибавочной стоимостью, не может быть решен на основе “анализа товара”. Из него можно извлечь лишь то, что в стоимости товара содержится стоимость прибавочного продукта, а в цене товара – цена прибавочного продукта. Чтобы доказать превращение прибавочного продукта в сугубо капиталистическую форму эксплуатации – по терминологии К.Маркса, в прибавочную стоимость – одного только “анализа товара” недостаточно. Да, строго говоря, он для этого и вообще не нужен.

Третье. Из “анализа товара” вытекает вывод об объективном характере стоимости рабочей силы. Сам по себе вывод о стоимости рабочей силы как объективной

реалии верен, но способ, каким он получен, затемняет содержательную природу этой объективности.

По К.Марксу, объективность стоимости товара рабочая сила состоит в том, что “его стоимость, подобно стоимости всякого другого товара, была определена раньше, чем он вступил в обращение, потому что определенное количество общественного труда уже было затрачено на производство рабочей силы ...”¹¹. Получается некая *предопределенность* уровня нормального заработка. Нормальным представляется заработок, в точности (или почти в точности) соответствующий стоимости рабочей силы. А она, в свою очередь, определяется рабочим временем на производство жизненных средств, необходимых для воспроизводства рабочей силы.

При такой трактовке в состав необходимых жизненных средств (необходимого продукта) включается только то, что *необходимо покупателю и пользователю* наемной рабочей силы, чтобы “поддержать трудящегося индивидуума как такового в состоянии нормальной жизнедеятельности” и чтобы на смену смертному собственнику рабочей силы появлялись его “заместители” (дети рабочих)¹². А как же продавец – он может требовать чего-то, что необходимо ему как человеку, хотя работодателю (покупателю рабочей силы) не необходимо?

Так поставленный вопрос заставляет оставить в стороне “анализ товара” и заняться анализом общества, то есть идти к стоимости рабочей силы как к объективной категории совсем с другой стороны. Он ставит в центр внимания социальную структуру общества, соотношение и противоборство социальных сил, выходит на социальное положение трудящихся как на результат этого соотношения. Для данного конкретно-исторического соотношения социальных сил и соответствующего ему положения трудящихся рассматривается далее нормальный уровень экономических ресурсов

---

¹¹ Маркс К. *Капитал*. Том первый. С.184.

¹² Там же. С.182.

существования и развития. Вот он-то и есть уровень необходимого продукта, объективная стоимость рабочей силы. При купле-продаже рабочей силы эта объективная стоимость и служит законом цен на рабочую силу. В конце концов вроде бы так же, как у Маркса при “анализе товара”. Но это «вроде бы» и «в конце концов». На самом деле разница принципиальная, поскольку при “анализе товара” стоимость рабочей силы – явление по природе своей *рыночное, экономическое*, а при целостнообществоведческом анализе – явление *макросоциальное, результат соотношения классовых сил в обществе*, что в экономике и, в частности, при купле-продаже рабочей силы проявляется. Не формируется, а проявляется. Стоимость рабочей силы объективно складывается не в экономике, а на уровне общественного устройства, в итоге взаимодействия (столкновения) и соотношения социальных сил. Но ведь точно так же обстоит дело со всеми экономическими категориями, которые отражают общественные интересы. Поэтому-то они и называются не просто экономическими, а гораздо точнее и глубже – политико-экономическими.

Кстати сказать, методология “анализа товара” в принципе не способна объяснить, отчего это в 1990-е годы в России сперва цена, а затем, очевидно, и стоимость рабочей силы понизились в разы, притом скачком. Что произошло в экономике, в мире товаров объективного, чем можно было бы этот скачок объяснить? Причины лежали не в экономике, а в обществе, в социально-структурных переменах.

Нужно, по нашей логике, решительно отказаться от поиска корня (причины) эксплуатации в особенностях оборота рабочей силы в хозяйстве, в имущественных отношениях, особенно на микроуровне (собственность на средства производства у частного капиталиста и отсутствие средств производства у работника). Это не причины, а следствия, проявления эксплуататорского общественного устройства.

То противоречивое общественное отношение, которое находит свое идеологическое и классово-

теоретическое (политико-экономическое то есть) осознание как эксплуатация, **есть отношение структурное, макросоциальное (или макросоциально-экономическое)**. Это означает, что в научном отношении недопустимо (неправомерно) опускать трактовку отношений эксплуатации на *микросоциальный* (а тем паче на микроэкономический) уровень¹³. Существо и механизмы эксплуатации суть реалии, категории и закономерности из разряда составляющих каркас устойчивого общественного устройства, из разряда, как теперь выражаются, системных основ.

Такой подход наилучшим образом может быть развит и развивается, если сохраняется должная содержательная связанность предмета рассмотрения с масштабным (но минимально необходимым) контекстом - общество в целом (а иной раз - и мировое человечество в целом). Причину (корень) эксплуатации надо искать в области взаимоотношений основных структурных элементов общества - основных социальных групп. Иначе говоря, причина эксплуатации - не экономическая, а *политическая*. Она располагается в тех аспектах существования и развития общества, в которых "политика не может не иметь первенства над экономикой".

Теория эксплуатации, выдвинутая в "Капитале" (теория прибавочной стоимости), если не утрачивает, то как минимум отводит на второй план решающую причину эксплуатации, в том числе капиталистической, – тип политических (социально-групповых) взаимоотношений, а именно **узурпацию (монополизацию) власти в**

---

¹³ Критику Марксовой теории эксплуатации вроде бы с таких же позиций повел было Ю.Чешков в статье упомянутого выше заочного круглого стола. Но идеологическая установка автора статьи трансформировала заявленный им макросоциологический подход и повела его к отрицанию эксплуатации в западном капиталистическом обществе "в постиндустриальную эру": "Деполяризация и дезантагонизация основного классового отношения означали изменение природы прежних отношений присвоения – оно теряло характер эксплуатации и приобретало облик экономического неравенства" (МЭ и МО. 1993. № 3. С.79).

обществе и в хозяйстве одними (господствующими) социальными группами и, соответственно, по сути принудительное **отстранение от власти остальных (подчиненных) социальных групп.**

Исходя из этого, сформулирую основные положения современной теории эксплуатации.

1. Суть эксплуатации как исторически устойчивой системы социально-групповых (то есть политических) отношений состоит в следующем: господствующие социальные группы, монополизировав власть и управление в обществе и хозяйстве, обеспечивают устойчивое доминирование своих интересов, в том числе воспроизведение своего привилегированного общественного положения, при помощи распоряжения движением **всего** результата (эффекта) общественного производства, созданного по преимуществу подчиненными социальными группами.

Господствующие и подчиненные социальные группы – стержень социальной структуры эксплуататорского общества. Тысячелетия функционирования власти как механизма осуществления отношений господства-подчинения породили представление, будто никакой иной, кроме как господской и принуждающей, власть быть не может. В этих представлениях истоки, с одной стороны, анархизма, а с другой - неверия в реалистичность общества без эксплуатации.

Система власти охватывает общество в целом и его “ресурсную подсистему” - хозяйство, то есть включает в себя политическую власть и собственность (власть в хозяйстве). Непременное условие для достижения и удержания устойчивости общественного устройства - **однородность (соответствие) политической власти и власти в хозяйстве.**

Господствующий класс (или каста), распоряжаясь движением всего результата общественного производства, определяет пропорцию разделения этого результата на **необходимый и прибавочный продукт.** Социально-экономическое предназначение необходимого продукта – фонд жизненных средств трудящихся классов, прибавочного

продукта - фонд жизненных средств господствующих классов и такое развитие общественных процессов, которое сохраняет и укрепляет их специфическое положение в обществе. Соотношение прибавочного и необходимого продукта - это *степень (мера) эксплуатации труда*.

2. Понятие частной эксплуататорской собственности. Сосредоточение всей или решающей власти в обществе у *части* общества не нашло специального понятия, а вот сосредоточение власти в хозяйстве у *части* общества, у *части*¹⁴ субъектов хозяйственной деятельности обозначается термином **“частная собственность”**.

Понятие частной собственности не требует уточнений для гражданско-правовых отношений (отношений по поводу имущественных прав). Но для понимания структурных общественных, макросоциальных отношений требуется существенное уточнение этого понятия как раз в аспекте разнокачественности пространства хозяйственной власти хозяйствующих субъектов разных типов. Есть хозяйствующие субъекты, которые хотя и ведут своё хозяйство “самовластно”, однако реально непричастны к эксплуатации как эксплуататоры. Таковы все *трудовые частные* (индивидуальные, семейные, коллективные) хозяйства. Их и собственность в них (трудовую, неэксплуататорскую частную) следует отличать от *частных эксплуататорских* хозяйств и частной эксплуататорской собственности.

---

¹⁴ Наши коллеги-политэкономы, профессиональное сознание которых было сформировано и “отрихтовано” идеологией и теориями сталинизма, бывают совершенно парализованы задачей: какой была собственность в СССР? По сию пору думают, что общественной. При этом не отрицают, что распоряжалась всем в хозяйстве номенклатура (правлящая каста). Номенклатура - не общество, а его обособившаяся господствующая *часть*. Тот факт, что эта часть не дробилась в своём функционировании на индивидуумы, а была корпоративно спаяна, мешает нашим политэкономам разглядеть **корпоративную (совместную) частную собственность номенклатуры**.

Господствующие социальные группы, поскольку им принадлежит власть в хозяйстве, являются реальными собственниками - распоряжаются результатами всего общественного производства и труда. *Доходы от собственности* (по праву собственников) являются, как правило, их основным доходом. Для трудящихся же основным источником средств существования и фактором, определяющим их (и членов их семей) социально-экономическое положение, являются не доходы от собственности, а *собственный труд* в общественно организованном воспроизводстве.

3. Эксплуатация как общественный режим движения ресурсов. При отношениях эксплуатации предметом (поводом, объектом интересов взаимодействующих сторон) являются ресурсы существования и развития, добываемые и используемые общественно (социализированно).

К содержательным характеристикам социального режима движения ресурсов могут быть отнесены их социально-экономическое назначение (направленность на удовлетворение тех или иных потребностей), доступность для использования и условия доступности, регулярность использования и т.п. Основные варианты возможного режима движения социализированных по своему происхождению ресурсов - *равенство* и *неравенство* субъектов в сфере *реального использования* ресурсов.

Пример режима равенства: разделение (обеспечение доступности) ресурса в равных долях между потребителями или участвующими в его добыче. Примеры режимов неравенства: разделение (обеспечение доступности) ресурсов по вкладу в их создание, по степени нужды, по соотношению сил (по принуждению). Иные варианты, обычно производные от названных, - по знатности, по авторитетности, по совести (по добровольной договорённости), по традиции (обычаю) и т.п. Реальный режим общественного движения ресурсов существования и развития устанавливается политически и воспроизводится властно.

Эксплуатацией - если она рассматривается со стороны движения ресурсов существования и развития - правомерно

считать такой социальный режим движения ресурсов, при котором они (ресурсы), будучи социализированными по способу своего происхождения и воспроизведения, распределяются между претендентами на их использование (“присваиваются” ими) *по силе* (в соответствии с соотношением сил), то есть *принудительно* для части участников добычи и воспроизведения ресурсов.

Если бы речь шла о разовой акции, то уместны были бы такие понятия, как принудительное (силовое) изъятие, грабёж и т.п. Но если акции повторяются, становятся системой, то возникает новое качество, и оно носит уже название дани, набеговой экономики и т.п. Принудительное изъятие, устроенное и воспроизводимое, защищаемое и развиваемое как устойчивая социальная система, называется эксплуатацией.

4. Эксплуатация как принудительное социальное донорство¹⁵. Социально-экономическое содержание эксплуатации адекватно описывается понятием “социальное донорство”, но с одним неизменным признаком – донорство *принудительное*¹⁶. Тогда эксплуатацию можно определить как *исторически устойчивую общественную систему принудительного социального донорства одних социальных групп (эксплуатируемых) в пользу других социальных групп (эксплуататоров)*.

Господствующие социальные группы (классы, касты) имеют возможность таким образом организовать и, как правило, организуют распределение эффекта (не только экономического) от общественного производства, чтобы

---

¹⁵ См. такую трактовку содержательного смысла эксплуатации, например, в кн.: Социальная политика: Толковый словарь. Изд. второе, дораб. М.: РАГС. 2002. С.448-451.

¹⁶ *Зачаток глубокой теории принуждения – учение К.Маркса о реальном подчинении труда капиталу. Ценность Марксова подхода: намечена не формальная, а реальная сторона взаимоотношений господствующего и подчиненного. Капиталист и рабочий равноправны при заключении договора найма, а фактически капиталист господствует на рынке труда, поскольку его класс господствует в устройении межклассовых отношений в обществе.*

доля трудящихся в его распределении была существенно меньше, чем доля их трудового вклада в этот эффект. Господствующие группы имеют возможность получать доходы, даже не выполняя никаких полезных для общества и хозяйства (трудовых) функций.

Социальное донорство эксплуатируемых групп может происходить, как известно из теории и истории, в двух формах: как более медленное улучшение их социально-экономического положения по сравнению с улучшением положения господствующих групп (относительное обнищание) и как прямое ухудшение их социально-экономического положения (абсолютное обнищание).

5. Эксплуатация отторгает неэксплуататорские хозяйственные уклады. Отношения эксплуатации относятся к отношениям типа “господство-подчинение”, но это господство и подчинение макросоциального происхождения. Общество и хозяйство устроены на базе господства и подчинения, а потому и все внутриобщественные сферы и институты воплощают в себе в конечном счёте именно это макросоциальное устройство. Попытки построить нечто вразрез с эксплуататорской системой общественных отношений возможны, но они отторгаются как чуждое, а преодоление отторжения требует немалых дополнительных усилий.

Эта сторона отношений эксплуатации теоретически исследована крайне мало, хотя имеется значительный практический материал для анализа действительных возможностей *устойчивого* существования неэксплуататорских укладов в рамках (“в недрах”, как любят говорить политэкономы) эксплуататорских обществ. Интересен не только давний опыт Роберта Оуэна в Нью-Ленарке. Интересен массовый опыт единоличного крестьянства без наемного труда, ремесленничества, мелких торговцев, предприятий с акционерной собственностью работников, кооперативов без наемных работников и др. Исследование реального пространства “смешанности общества” могло бы закрыть многие утопические проекты и похоронить множество иллюзий в движениях и идеологиях трудящегося и эксплуатируемого народа.

Наша гипотеза, отчасти проверенная, состоит в том, что эксплуататорский строй и доминирующие в нем хозяйственные уклады (при капитализме – частнокапиталистический и государственно-капиталистический, с которыми другим укладам приходится конкурировать) активно отторгают любые попытки выкроить и тем более удержать пространство, свободное от эксплуатации. Следовало бы обобщить исторический и современный опыт и осмыслить его в двух аспектах. Один аспект – причины и условия, закономерно подталкивающие к трансформации неэксплуататорских хозяйственных укладов в эксплуататорские. Другой – закономерные факторы и социально-экономические механизмы, формирующие подчиненное (эксплуатируемое) положение в обществе коллективного и индивидуального трудовых укладов в целом.

6. Механизм эксплуатации – не чисто экономический, а общественно-экономический, включающий фактор реального соотношения социальных сил. Методология “анализа товара” при обосновании механизма эксплуатации имеет существенный изъян: она изображает этот механизм как сугубо экономический и вроде бы сугубо объективный. Стоимость рабочей силы (величина необходимого продукта) выглядит как феномен, объективный для капитала. Так получается из-за подмены понятий “капитал” и “единичный (конкретный, отдельно взятый) капиталистический предприниматель”.

Для единичного предпринимателя уровень оплаты труда (цена труда) и в самом деле объективно (общественно) предопределен стоимостью рабочей силы – реалией рынка труда обычно странового, а то и межстранового масштаба. В либеральных концепциях (начиная от Адама Смита) уровень оплаты труда, который выступает для отдельного капиталистического предпринимателя как в основном объективный (внешне заданный), как нормальный не по индивидуальным, а по общественным меркам, объясняется сугубо экономически – как следствие (функция) соотношения спроса и предложения. Механизм спроса и предложения,

самобалансирующий на точке равновесия, дает, как объясняет теория, цену рабочей силы в этой точке равновесия. К.Маркс оставил в стороне критику этой доктрины. Между тем она в принципе игнорирует влияние социальных и иных неэкономических факторов на рынок труда и его важнейшие процессы и отношения, включая цену рабочей силы.

Развернутое нами понимание эксплуатации как общественной системы не позволяет игнорировать социально-политические факторы, прежде всего – фактор соотношения социальных (классовых) сил. Формой реализации господства эксплуататорских и подчиненности эксплуатируемых классов является специфическое устройство экономического механизма эксплуататорских обществ. Специфика, как уже сказано выше, – в том, что господствующий класс распоряжается движением не только присваиваемой им части общественного продукта, а движением всего результата общественного производства.

В рамках этого своего распоряжения всем результатом общественного производства господствующий класс определяет границу, разделяющую необходимый и прибавочный продукт. Граница необходимого продукта – отношение не сугубо экономическое, а *политико-экономическое*, то есть *прямая проекция на экономические отношения соотношения классовых сил*¹⁷. Именно этот смысл и эта специфика делают необходимый продукт (и границу, отделяющую его от прибавочного продукта) реальностью (и пропорцией) макросоциально-экономической.

---

¹⁷ В отличие от К.Маркса у марксиста М.И.Туган-Барановского читаем: “С точки зрения **социальной теории распределения**, высота заработной платы в данном обществе определяется двумя факторами – **производительностью общественного труда**, определяющей, как велик общественный продукт, подлежащий разделу между общественными классами, и **социальной силой рабочего класса**, от которой зависит доля общественного продукта, поступающая в распоряжение рабочего” (М.И.Туган-Барановский. Основы политической экономии. М.: Российская политическая энциклопедия (РОССПЭН). 1998.С.412).

Господствующий класс (действуя в рамках ряда ограничений, одно из которых – сила эксплуатируемых социальных групп) *выделяет* из всего общественного продукта фонд жизненных средств трудящихся (необходимый продукт), полагая этим своим социально-экономическим действием макросоциально-экономическую пропорцию, воспринимаемую индивидуальными эксплуататорами как общественно нормальная, объективно заданная им обществом величина. Для капиталистического индивидуального предпринимателя это и есть стоимость рабочей силы. Если бы всё было не так, то не требовалось бы в эксплуататорских формациях социальное и социально-трудовое законодательство.

Выстроенное нами понимание эксплуатации позволяет отойти от суженного (весьма конкретизированного) ее понимания. Благодаря этому из-за различий в конкретных способах и формах принудительного социального донорства не будет потеряна из виду однотипность макросоциальных отношений капитализма и других общественных систем эксплуататорского типа (феодализм, тоталитаризм, колониализм и пр.). Система капиталистической эксплуатации возникает ***не из наемного характера труда и не из особенностей товара “рабочая сила”, а из определенного соотношения классовых сил по поводу власти в обществе (в том числе и в хозяйстве).*** Система капиталистической эксплуатации поддерживается перевесом сил капитала в межклассовых отношениях.

7. Понятие нормальной степени эксплуатации класса наемных работников. В нормально функционирующем капиталистическом производстве величина стоимости совокупной рабочей силы относительно стабильна, то есть необходимый продукт достается-таки классу наемных работников при всех колебаниях цен на конкретные виды труда.¹⁸ Исторический опыт учит, что такая “нормальная” эксплуатация реализуется только при

---

¹⁸ *Необходимый продукт движется, как известно, в форме оплаты труда и в других формах обеспечения необходимых средств существования и развития.*

осуществлении “нормальной” классовой борьбы - если эксплуатируемый класс *активно сопротивляется повышению степени эксплуатации, понижению цены и стоимости рабочей силы.*

Трудящиеся России не смогли в ходе реформ 1990-х годов воспрепятствовать падению уровня своих доходов, повышению тем самым степени эксплуатации. Установился базовый для новой России весьма низкий уровень цены рабочей силы, который будет восприниматься новыми поколениями как объективная (нормальная для России) национальная стоимость рабочей силы.

8. Состав социальной группы “эксплуатируемые трудящиеся” в капиталистическом обществе. Социальная группа эксплуатируемых трудящихся в капиталистическом обществе имеет свою внутреннюю структуру. Она складывается под влиянием развития общественной организации производства, разделения и кооперации общественного труда. В этой структуре существенно влияние демографических, профессиональных, этнических факторов. Наиболее существенны и устойчивы различия между трудящимися, занятыми в разных социально-экономических укладах общественного производства - частнокапиталистическом, государственном, коллективном, индивидуальном.

Группы трудящихся, занятых в разных укладах, отличаются друг от друга как по социально-экономическому положению, так и по интересам и идеологии (взглядам и конкретным требованиям). Но характер их взаимоотношений с капиталистическим обществом, с господствующими классами один и тот же. Работники-собственники, как и наёмные трудящиеся, не имеют реальной возможности существенно влиять на те принципиальные властно-управленческие решения общенационального (и более широкого) масштаба, которые определяют *основные* условия их жизни, труда, ведения хозяйства. Различными являются только конкретные формы и методы осуществления эксплуатации рядовых наёмных работников и работников-собственников

(крестьян, торговцев, владельцев мелких предприятий сферы обслуживания, других “самозанятых”).

Не будем забывать также, что в современной России значительная часть эксплуатируемых работников занята в теневом и криминальном производстве, где механизмы эксплуатации имеют свою специфику.

9. Историческая тенденция развития капиталистической системы эксплуатации. При осознании природы, противоречий, движущих сил и вариантных перспектив развития капиталистического типа социально-трудовых отношений необходимо учитывать, что капитализм не в XX веке стал, а всегда был (от возникновения) целостной мировой системой. Система капиталистической эксплуатации исторически с самого начала обладала возможностью *выносить часть своих противоречий на так называемую “периферию” мира* – в колонии, полукolonии, в страны “третьего” мира, где оказывается допустимым то, что недопустимо в первом и втором мирах. Именно это обеспечивало в более развитых (лидирующих) странах качественно более благополучный, чем в периферийном мире, и *для метрополий нормальный* тип протекания всех процессов эксплуатации и, в частности, избавление “первого” мира от явлений “язвы пролетариата” (массового “социального дна”).

Абстрагирование от “периферии” капиталистической эксплуатации делает ненаучными практически все суждения о социально-трудовых отношениях, в том числе в современной России, оказавшейся в реальности периферийно-колониального капитализма. Требуется существенное развитие представлений о нормальной капиталистической эксплуатации с учетом двухполюсного устройства капиталистической системы – метрополии и колонии или полукolonии.

На современном этапе развития мировой капиталистической системы, получившем название “глобализация”, происходит существенное видоизменение взаимоотношений между господствующими и подчиненными социальными группами. О формировании

нового типа социальных взаимоотношений свидетельствуют следующие главные тенденции (направления развития):

- ключевые средства и условия развития мирового сообщества монополизированы крупным международным капиталом и структурами, представляющими его интересы;
- разрушается обособленность национальных рынков труда и национальных систем социальной защиты населения; создается всемирное пространство конкуренции за рабочие места, уровень оплаты труда, социальные гарантии, экологическую безопасность;
- все большее число стран фактически лишается государственного суверенитета, теряет экономическую и политическую независимость; подрываются и разрушаются системы национальных и международных демократических институтов, создаются предпосылки для тоталитарного перерождения демократических форм и способов жизнедеятельности; появляются новые способы угнетения и господства, произвола и насилия над личностью, в том числе новые формы принудительного, подневольного труда;
- наметилась тенденция *устойчивого* разделения населения в страновых и мировом масштабах на нужную и ненужную капиталу (как организатору общественного воспроизводства) для осуществления созидательной деятельности. Нужной становится меньшая часть человечества (по прогнозам – не более 20 % в конечном счете), что превращает участие в созидательной деятельности (труд) в *социальную привилегию меньшинства* – господствующей касты и ее услуги;
- ненужное капиталу, “лишнее” для него население (по прогнозам – до 80% в конечном счете) оттесняется от участия в общественной практике, в формировании средств и условий общественного развития не в форме временной безработицы, резервной армии труда, а в форме *вынужденно-нетрудового* типа

жизнедеятельности (“исключается” из общества). Труд в жизни большинства населения планеты приобретает не более чем эпизодический характер.

Разделение населения на резервную и излишнюю части имело долгое время преимущественно географическое распределение: резервная – в метрополиях, излишняя – в колониях. Теперь возникает новое явление (во всяком случае, в тенденции) – такое по преимуществу *географическое* распределение утрачивается; вынужденно-нетрудовой, а затем и *принудительно-нетрудовой тип жизнедеятельности* становится наиболее вероятным обликом будущего для большинства населения *и в бывших метрополиях, и в бывших колониях.*

Проблемное осмысление обозначившихся направлений развития заставляет сделать следующий вывод:

исторической тенденцией развития капиталистической общественной системы (капиталистической системы эксплуатации) является глобализация тоталитаризма в форме организованной во всемирном масштабе системы сегрегации человечества на господствующую (властвующую) касту создателей и касту оттесненных в социальную резервацию.

В самом деле, что делать дальше с человеком, если он все менее нужен производству, если технические средства требуют все меньше живого труда для производства богатства в капиталистической форме, для сохранения господствующего положения руководящей “элиты”? Мирное, так сказать, решение этой проблемы - обеспечить для “лишнего” (или части “лишнего”) населения особые условия существования, при которых исключение “лишних” из полноценного и полноправного участия в общественных делах фактически закрепляется, но потребности массы целенаправленно деформируются, сводятся к стандартизированным и удовлетворяются на

уровне, беспротестно приемлемом для “лишних” людей. То есть возникает социальная группа довольных граждан, лишённых основных гражданских ценностей - участия в обществе в качестве субъектов реального исторического творчества.

Конкретные социальные технологии стандартизации и зомбирования личности, имитации интеллектуально-творческой, социально-политической и даже сексуальной активности - технологии, которые будут систематизированы и усовершенствованы в XXI веке в социальных резервациях так называемого постиндустриального общества, уже нарабатываются. Есть первые крупные успехи: массовая культура, массовые зрелища для “фанатов”, провоцирование социальной активности спецслужбами, разыгрывание спектаклей “Борьба с глобализацией”, “Борьба за чистую планету”, современные СМИ, бульварная литература, наркомания, интернет-заменители реальной жизни и т.п.

Принудительное и устойчивое оттеснение большинства от реального исторического действия в обмен на завидное для нищего стандартное потребительское изобилие – в этом суть социальной резервации и главная угроза XXI века. Этот путь чреват не только социальной деградацией индивидов и деградацией человеческого общества как такового. Он чреват также и такими эксцессами, как насилие, уничтожение “лишних” людей, если их число или формы их активности начнут выходить за пределы, установленные господствующей кастой созидателей.

Система постиндустриального глобального тоталитаризма, социальная резервация для большинства – вот реальная историческая перспектива развития системы капиталистической эксплуатации. Антигуманность этой перспективы невозможно вычленить на основе трактовок, сводящих суть эксплуатации к присвоению результатов чужого или результатов неоплаченного наемного труда. Так узко (а совсем точно – узко-предпринимательски) понимаемая эксплуатация может и не понадобиться для организации жизнедеятельности

причастных к созидательной деятельности. Оттесненным же в социальную резервацию средства существования и псевдоразвития будут доставаться, как представляется, без всякого труда.

Альтернатива исторической перспективе глобализации тоталитаризма – отказ от социально-политической организации общества на базе отношений “господство-подчинение”, переход в русло последовательно гуманистического развития в целях создания для каждого и для всех членов общества реальной возможности свободного выявления, реализации и развития своих способностей и склонностей в процессе активной социально значимой жизнедеятельности. Однако такая перспектива представляется сегодня менее вероятной, чем первая. И уж вовсе невероятно распространить на весь мир такую форму капиталистической общественной организации, как демократическое социальное государство. Эта форма, в которой механизмы социального компромисса ущемляют интересы господствующего класса в ряде областей, исторически неустойчива, промежуточна. Она была и во время “золотого тридцатилетия” исключением, а не правилом для мира XX века. Демократические социальные государства эволюционируют сегодня в сторону ужесточения эксплуатации труда, разрушения традиционных демократических институтов и одновременно вносят свой вклад в формирование социальной резервации.

**Библиотека
обществознания большинства**

Серж Виктор (Кибальчич Виктор Львович)

От революции к тоталитаризму: Воспоминания революционера. – М.: НПЦ «Праксис»; Оренбург: «Оренбургская книга», 2001. 696 с.

Серж Виктор (Кибальчич Виктор Львович)

Четыре статьи: 1. Сила и пределы марксизма. 2. Оппозиция в СССР. 3. За обновление социализма.

4. Тридцать лет после русской революции. – В сборнике: «ВИКТОР СЕРЖ: СОЦИАЛИСТИЧЕСКИЙ ГУМАНИЗМ ПРОТИВ ТОТАЛИТАРИЗМА» (Под ред. А.В.Гусева) М.: НПЦ «Праксис». 2003. Стр. 127-175.

Солженицын Александр Исаевич

АРХИПЕЛАГ ГУЛАГ. 1918-1956. Опыт художественного исследования. – Первая публикация в 1973 г. в Париже, издательство ИМКА-пресс. С тех пор – многочисленные публикации. В их числе издание 1991 г. Москва, ИНКОМ НВ.

Плакся Вячеслав Иванович

БЕЗРАБОТИЦА: теория и современная российская практика (социально-экономический аспект). Монография. – М.: Издательство РАГС. 2004. 384 с.)

Давид Мандель

Социально-трудовые отношения по поводу охраны труда: канадский опыт

1. Охрана труда и соотношение классовых сил

Каждый год от производственных аварий или от болезней, связанных с работой, в мире погибает более двух миллионов трудящихся. Сегодня, стало быть, от участия в производстве умирает больше людей, чем от всех войн, и от потребления наркотиков, и от алкоголизма - вместе взятых.¹⁹ Эту печальную статистику сообщает Международная организация труда (МОТ). Даже в такой, казалось бы, благополучной стране, как Канада, в 2002-ом году от производственных травм и аварий погибло 934 трудящихся. Каждый год за последние 25 лет по миллиону человек в Канаде травмируется на производстве. Сложнее установить число жертв от профессиональных

---

¹⁹ "Work is Three Times More Deadly than War," *Guardian* (Лондон), 2.5.2002.

заболеваний, но согласно оценке Аллена Краута, врача Виннипегского Центра профессиональной медицины, ежегодно в Канаде умирает 2,3-6 тысяч людей от профзаболеваний.²⁰ Производство, получается, - это настоящая бойня.

Наша социально-экономическая система принуждает трудящихся рисковать своим здоровьем и жизнью, чтобы кормить себя и свои семьи. Буржуазные идеологи утверждают, что в демократическом обществе труд свободен и что трудящиеся добровольно нанимаются на работу к работодателям. Но действительность далеко не такова. Будучи свободным, кто же пойдёт на риск с вероятностью 6%? Ведь в Канаде в среднем один из шестнадцати трудящихся рискует быть раненым на работе, частью со смертельным исходом.²¹ И, несмотря на это, люди не только отзываются на приглашение работодателей приходить к ним на предприятия и получать зарплату, трудящиеся к ним прямо-таки просятся.

Значит – выбор трудящихся тут не свободный. Ибо средства производства являются собственностью буржуазного меньшинства, класса “работодателей”. Даже право свободно выбирать работодателя оказывается весьма ограниченным из-за нехватки рабочих мест, непосильных затрат, связанных с изменением места жительства, квалификационных требований, и т. п.

Ежели это так, то казалось бы логичным, чтобы в столь демократической стране, как Канада, трудящиеся имели право активно и непосредственно участвовать в определении условий своего труда. Как утверждает Канадский профсоюз работников автомобилестроения, аэрокосмической промышленности, транспорта и других отраслей (CAW)²² в своей декларации принципов по охране труда²³:

---

²⁰ *D. Smith, Consulted to Death, Winnipeg : Arbeiter Ring, 2000г, стр. 16.*

²¹ *Канадский съезд труда http://canadianlabour.ca/index.php/april_03*

²² *Полное название профсоюза на английском языке: National Automobile, Aerospace, Transportation and General Workers Union of*

«В нашем обществе работодатели решают, где нам работать, работать ли нам вообще, как нам работать, безвредная или опасная наша работа. Когда мы боремся за решения таких проблем трудящихся, как предотвратить увечья от постоянно повторяемых движений, спинную боль, скуку, монотонность и стрессы, мы посягаем на сферы действия, которые начальство считает исключительно своими: выбор материалов, химических веществ и технических процессов; ритм производства; давление надсмотрщиков; сменность работы; чрезмерная сверхурочная работа; общая концепция и управленческая структура предприятия и производственной системы».

Если посмотреть на ситуацию целостно, свободный характер наёмного труда при капитализме является в основном миражом. И ничто, пожалуй, так ярко не показывает классовый характер этого общества, как огромное число жертв от условий труда.

Из этого следует, как заключает CAW, один из самых боевых и прогрессивных в Канаде, что соотношение сил - ключевой вопрос охраны труда.

2. Этапы борьбы

Борьба трудящихся Канады за права в области охраны труда прошла три этапа.

Первый этап - до последней четверти 19-го века: режим рыночного регулирования.

До появления организованного движения трудящихся во второй половине 19-го века в Канаде не было законодательства по охране труда. Это был период безраздельного господства либеральной идеологии, согласно которой государству не следует вмешиваться в экономическую жизнь (что означало на практике

Canada (CAW); на французском языке: Syndicat national de l'automobile, de l'aerospatiale, du transport et des autres travailleurs et travailleuses du Canada (TCA). Веб-страничка профсоюза:

²³ *Полный текст - в приложении к статье.*

отсутствие вмешательства в пользу трудящихся, ибо государство играло решающую роль и на стадии первоначального накопления, и в защите капитала против посягательств на его власть).

Место законодательства занимала «обычная юриспруденция» (common law), то есть накопленные судебные традиции и решения по искам трудящихся о возмещении ущерба. А эти решения почти всегда были в пользу работодателей. Например, в то время на железных дорогах была проблема низких мостов. Тормозные кондуктора должны были бегать по крышам грузовых вагонов и крутить колеса, приводящие в действие тормоза. Увлечённые этой работой и бегая часто спиной к голове состава, кондуктора иногда не замечали, что впереди низкий мост. И они погибали. Когда семья погибшего железнодорожника подавала в суд с иском о компенсации, работодатель аргументировал, что мост уже был на месте, когда рабочий нанялся. Он знал (или должен был знать) об опасности, и поэтому надо считать, что он согласился на риск. Судьи принимали этот аргумент и отказывали пострадавшей семье в иске.

Примерно так рассуждал и Верховный судья Ричардс в 1871г. по иску родителей одиннадцатилетнего мальчика, искалеченного во время аварии на льняной фабрике:

«По обычному закону слуги не имеют права жаловаться на отсутствие ограждения на оборудовании. Если они решили наняться работать у станка, сама работа на котором опасна, то эта работа является частью сделки. Слуга, если он был поврежден, совершая работу, для которой он нанялся, не может требовать от хозяина возмещения ущерба, если метод работы и станок, на котором работа исполнялась, были такими, какими и хозяин, и слуга её приняли».²⁴

Иными словами, судья Ричардс отказался решить, что работодатель обязан по закону предоставлять

---

²⁴ E. Tucker, *Administering Danger in the Workplace: the Law and Politics of Occupational Health and Safety Regulation in Ontario, 1850-1914*, Toronto, U. of Toronto Press, 1990г., сmp, 3-4.

минимально безопасные условия труда. Этот вопрос должен был решаться путем индивидуального договора найма. Трудящиеся и капиталисты должны торговаться об условиях найма без вмешательства государства, а рынок подведет итоги этих индивидуальных предпочтений, создавая эффективный уровень безопасности. Потому, дескать, что, если работа опасная, трудящиеся будут требовать себе больше зарплаты, а работодатель, чтобы понизить затраты на труд, будет создавать более безопасные условия труда.

Очевидно, тут подразумевалось, что трудящиеся, заранее зная о рисках, свободно соглашались на них. Но сами трудящихся, и особенно их организованная часть, прекрасно понимали, что эта свобода иллюзорная. Тем более, что по мере развития промышленного капитализма трудящиеся все больше теряли возможность неформально влиять на производственный процесс. А тот становился все более и более опасным. До “индустриальной революции” (конец 18-го века) производственный процесс в значительной мере регулировался еще самими трудящимися - крестьянами, ремесленниками, квалифицированными наемными рабочими. Но конкуренция и гонка за прибылью вели к интенсификации труда, к удлинению рабочего дня, углублению разделения труда (что ставило безопасность одного трудящегося в более сильную зависимость от действий других), к постепенной деквалификации труда и к превращению трудящегося в придаток машины.

Народ, кстати говоря, сочувствовал позиции трудящихся, и когда вопрос о компенсации решался присяжными, последние почти неизменно решали дело в пользу пострадавшего. Зато судьи очень редко соглашались отдать эти решения в руки присяжных.

Второй этап - с конца 19-го века до 1970-ых годов: режим слабого государственного регулирования.

Первый Фабричный закон в Канаде был принят правительством промышленной провинции Онтарио в 1886 г., значительно позже Великобритании и некоторых промышленных штатов США. Давление организованного

рабочего движения и желание правительства сохранять социальный мир играли решающую, если не исключительную роль в этом решении. Работодатели и правительство долго сопротивлялись, оттягивали решение и умеряли закон, сколько могли.²⁵

Большинство статей закона относились на самом деле к труду детей (до 14 лет), молодых девушек (14-18 лет) и женщин. Он запрещал наём этих категорий тружеников, когда существовала вероятность, что условия труда причинят непоправимый вред здоровью. Наём мальчиков до 12-и лет и девочек до 14 вообще был запрещён. Для детей, молодых девушек и женщин максимальный рабочий день ограничивался 10 часами, а неделя -- 60 часами, хотя в некоторых случаях исключения допускались. Этим же категориям закон установил часовой перерыв на обед в отдельном от производства помещении. Им также было запрещено чистить оборудование, когда оно было в действии. Для всех трудящихся закон обязывал работодателей “содержать завод так, чтобы работающий там человек не был в опасности и чтобы не причинялся непоправимый вред его здоровью”. Закон установил минимальные нормы чистоты, вентиляции, плотности рабочей силы, и пожарной опасности. Оборудование должно было ограждаться “по мере практической возможности”. Наконец, закон предусматривал назначение всего одного фабричного инспектора, уполномоченного принимать необходимые меры для его исполнения.

Работодатели в конце концов примирились с принятием закона. Но это во многом объясняется их уверенностью, что абсолютную власть на предприятиях, которую закон в принципе у них отнимал, правительство им вернет при исполнении закона. Одно то, что закон предусматривал всего лишь одного инспектора на всю провинцию Онтарио (центр канадской промышленности), уже достаточно красноречиво говорило о степени намерений правительства исполнять закон. И хотя с

---

²⁵ Эта политическая борьба подробно описывается в 4-ой главе книги E. Tucker, *Administering Danger in the Workplace*.

течением лет число инспекторов постепенно увеличивалось и новые нормы были введены, закон никогда не был обеспечен достаточными ресурсами для его эффективного исполнения. К тому же, почти исключительным методом инспекторов было убеждение, а не принуждение. Штрафы были весьма скромными, судебные преследования крайне редкими, и к ним прибегали исключительно в случаях детского труда.

Эта практика оправдывалась царящей буржуазной идеологией, согласно которой работодатели считались в основном социально ответственными и поэтому доступными воздействию убеждения и просвещения. Зато небрежность трудящихся считалась главной причиной аварий. Краеугольным камнем этой идеологии, которая до сих пор усиленно пропагандируется, была идея общности интересов работодателей и трудящихся в деле охраны труда, т.е. идея, что в интересах работодателей охранять здоровье трудящихся. В то же время эта идеология утверждала, что какая-то мера риска неизбежна при производстве, что “нормальные риски” нельзя устранять, в том числе тенденцию к интенсификации труда. Эти риски считались “нормальными”, т.е. объективными, а не социально определёнными, не последствием безудержной гонки буржуазии за прибылью. В свете этой идеологии инспектора рассматривались скорее как буферы или посредники, умеряющие классовые конфликты, а не как исполнители законов в пользу трудящихся.

Поскольку, по этой идеологии, интересы трудящихся и работодателей совпадали, не усматривалось никакой надобности в активной роли трудящихся. Сами трудящиеся не имели права обследовать свои рабочие места. Они не имели права требовать информации от работодателей об опасностях на своих рабочих местах. Они не имели права высказать свое мнение и быть услышанными по отношению к этим опасностям. И конечно, они не имели права участвовать в решениях, касающихся их здоровья и безопасности. Даже в тех случаях, когда их жизнь была в непосредственной опасности.

Не было и определённого права отказаться от опасной работы. Если трудящийся все-таки отказывался, начальство его наказывало. Если на предприятии был профсоюз, он мог подать жалобу в защиту рабочего, который отказался. Может быть, через полгода арбитраж оправдал бы рабочего и снял бы с него наказание. Если не было профсоюза, трудящегося просто увольняли.

Стоит подчеркнуть, что все меры, принятые государством в этот период, касались почти исключительно производственных аварий, потому что профессиональные заболевания, как правило, развиваются медленно и не мешают ходу производства. Труднее доказать их связь с производством.

Если работодатели в этот период не жаловались на фабричные законы, то организации трудящихся постоянно осуждали их невыполнение и выражали свое недоверие инспекторам. Они считали работодателей, у которых происходили аварии, преступниками. Комментируя в 1911-ом году большое число аварий на железных дорогах, газета Съезда труда Канады писала:

«Не существует более криминальных корпораций, чем железные дороги, и они тратили миллионы на подкуп судей и законодателей, чтобы предотвратить принятие законов, которые принуждали бы их защищать и ограждать жизни и тела своих наёмных работников. Если бы была справедливость, многие президенты и руководители железных дорог сидели бы за решеткой. Но, видите ли, некоторые убийства - совершенно законные и респектабельные.»²⁶

Статистика не позволяет с полной уверенностью судить об эффекте фабричных законов, принятых в этом периоде. Но есть хорошее основание полагать, что условия в 1914-ом году не были лучше, чем до принятия законов. По крайней мере, можно сказать, что условия не ухудшались настолько, насколько могли бы, если бы этих законов не было.

---

²⁶ *Industrial Banner* от 3/1-1911 г., процитировано в *Tucker, Administering Danger in the Workplace*, стр. 207.

Главная победа трудящихся была на самом деле в области идеологии. Они заставили государство хотя бы на символическом уровне отойти от либеральной идеологии и в принципе признать необходимость общественного регулирования условий труда. Это перевело борьбу трудящихся на политическую почву, где соотношение сил было для них более выгодным. Фабричные законы, если и не практикой своего действия, то хотя бы самим фактом своего существования отрицали либеральную идеологию буржуазии и были первым шагом к признанию государством легитимности социальных прав трудящихся. Карл Маркс сказал по поводу десятичасового закона в Англии: «...билль о десятичасовом рабочем дне был не только важным практическим успехом, но и победой принципа; впервые политическая экономия буржуазии открыто капитулировала перед политической экономией рабочего класса».²⁷

Практическое влияние фабричных законов было скорее косвенным: они создали в юриспруденции основу для успешного взыскания с работодателей возмещения за ущерб от аварий. Иными словами, аварии стали стоить работодателям денег, несмотря на усилия адвокатов страховых компаний, к услугам которых работодатели прибегали, чтобы снижать эти затраты до минимума. Поэтому работодатели начали более положительно относиться к идее обязательного страхования от аварий за их счёт. Такой закон был принят в Онтарио в 1914 г. Хотя рабочее движение боролось за этот закон главным образом в целях обеспечения семей пострадавших трудящихся вне зависимости от определения вины, оно в то же время понимало, что эта мера укрепит экономическую заинтересованность работодателей в уменьшении рисков и приведет к улучшению условий труда. Поскольку не удавалось победить на собственной

---

²⁷ К Маркс, Речь на торжественном открытии Международной ассоциации трудящихся, 1864 г. (К Маркс, Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е изд. Том 16, с. 8-9. - М.: Госполитиздат. 1960).

идеологической почве, движение принуждено было играть по правилам буржуазии.

Трудящиеся сопротивлялись, но их движение не успевало за бурными процессами “второй индустриальной революции” конца 19 века и за стремительной концентрацией и укреплением капитала. Под ударами экономических кризисов 1880-х и 1890-х годов и под влиянием американского профсоюзного движения прежнее стремление организовать по “промышленному принципу” (т.е. квалифицированным и неквалифицированным вместе) потерпело поражение. К началу 20 века профсоюзы представляли главным образом только квалифицированных рабочих. И хотя в Канаде, в отличие от США, профсоюзное движение не отказывалось от независимого политического действия, влияние его социалистического крыла уступало влиянию буржуазных партий в среде трудящихся.²⁸

Режим регулирования условий труда, который был скорее режимом саморегулирования (или рыночным регулированием), чем непосредственного государственного регулирования, продолжался в течение первых трех четвертей 20 века. С той, однако же, разницей, что особенно после Второй мировой войны с признанием профсоюзов и распространением практики коллективных переговоров часть трудящихся (в основном мужчины, работники сырьевых и перерабатывающих отраслей промышленности) добились права участия в совместных комитетах по охране труда и права отказаться от опасной работы. Но по большей части лидеры профсоюзного движения взамен признания профсоюзов соглашались непосредственно не посягать на прерогативы капитала в сфере организации производства и инвестиционных решений.

Таким образом, буржуазия в основном удалось избежать вмешательства государства, которое угрожало ограничить ее экономическую власть в пользу трудящихся. Более того, создание отдельного режима регулирования

---

²⁸ B. Palmer, *Working Class Experience: Rethinking History of Canadian Labour, 1880-1991*, Toronto, McClelland and Stuart, 1992 г., гл. 4.

охраны труда помогло изолировать этот вопрос от остальных аспектов социально-трудовых отношений. Это было выгодно капиталу, поскольку убийство и калечение трудящихся были одним из наиболее отвратительных аспектов капиталистических отношений и всегда имели потенциал подорвать их легитимность. Отдельный и малоэффективный режим снижал риск конфронтации и сравнительно мало стоил работодателям.

Третий этап - с 1970-х годов до настоящего времени

Этот режим стал объектом нового этапа борьбы трудящихся за охрану труда в 1970-е годы. Новый подъем борьбы происходил в основном “снизу” и был частью общего подъема профсоюзных “низов”, особенно молодых трудящихся, reagировавших против бюрократизма и консерватизма своих лидеров. Это был еще период “тридцати золотых” послевоенных лет, когда уровень безработицы был достаточно низок и социальные права и гарантии расширялись под знаменем “государства всеобщего благосостояния”. Молодое поколение не помнило Великого кризиса 1930-х годов. Оно выросло в атмосфере относительной социальной уверенности, когда борьба за экономическое выживание отошла на второй план. Они тем острее ощущали и сознавали противоречивость, иррациональность и антигуманность капиталистических отношений, управляемых интересами частного накопления. (Аналогичное движение возникло в это время среди учащихся вузов. Во Франции пересечение этих двух движений оказалось особенно взрывчатым.)

Эти трудящиеся особенно болезненно реагировали на произвольную, по сути тоталитарную, власть администрации предприятий. Правящая идеология утверждала, что трудящиеся - свободные граждане. Но на производстве они должны были отказаться от всякой свободы. Система сводила их к положению рабочего скота. Заставлять людей заниматься интенсивной работой в течение сорока и больше часов в неделю, лишая всякого контроля над тем, чем и как они занимаются, – это ведь идеал “научного управления трудом” при капитализме

(“тейлоризма”) и “японского метода” (“тойотизма”). А с точки зрения трудящихся, это высшая степень антигуманизма. Это подтверждают и современные медицинские исследования, которые доказывают, что такая работа существенно увеличивает риск сердечных болезней.²⁹

Но нигде, пожалуй, эта антигуманность так ярко не проявляется, как в области охраны труда, где дело непосредственно касается жизни и здоровья трудящихся. Молодые активисты наотрез отвергали официальную версию, поддерживаемую многими профсоюзными лидерами, будто в области охраны труда интересы трудящихся и работодателей совпадают. Они видели мало пользы от существующей “системы внешней ответственности”, т.е. государственного регулирования, и еще меньше - от “системы внутренней ответственности”, в которой трудящиеся были лишены права участия и реального влияния на решения, касающиеся их здоровья. И они стали коллективно - и притом незаконно - бросать работу, когда считали ее опасной. Особенно активными были работники горнодобывающей, авиационной и автомобильной отраслей.

Одним их идейных вдохновителей этого движения был Роберт Сасс - заместитель министра труда провинции Саскачеван. В 1970-е годы там у власти была социал-демократическая партия, которая опиралась на профсоюзное движение и на мелких фермеров и была еще достаточно левой. К тому же, большинство крупных промышленных предприятий принадлежали провинции. Это правительство первым в Канаде дало трудящимся новые права в области охраны труда. Профсоюзы других, более промышленных провинций Канады часто приглашали Р. Сасса выступать на своих конференциях. В одном из своих выступлений он сказал:

«Если произойдет улучшение условий труда, то только в том случае и в той мере, в какой трудящиеся активны. Когда трудящиеся борются, тогда растет

---

²⁹ R. Karasek, T. Theorell, *Healthy Work : Stress, Productivity, and the Reproduction of Working Life*, New York: Basic Books, 1990.

вероятность, что правительства положительно отреагируют на их требования и введут лучшие нормы, инспекции, обязательные меры, и в том числе и расширение прав трудящихся знать, участвовать, и отказаться. И, по-моему, мы тогда получим и лучшую науку. За последнее время много говорят о том, что информация – это сила. Да, нам нужно право знать. Нам нужна информация. Но сила есть сила. Этого никогда не забывайте».³⁰

Р. Сасс объяснял, что никакие экономические соображения не могут оправдать потерю здоровья трудящихся. Поэтому нельзя отдать заботу об охране труда в руки работодателей, которые заинтересованы, в конце концов, только в прибыли. Охрана труда - это неотчуждаемое право каждого трудящегося. Трудящиеся лучше всех знают, когда условия работы вредны. Р. Сасс считал, что более жесткие законы или большее количество инспекций сами по себе неспособны радикально изменить ситуацию. Надо было дать трудящимся права и признать их собственный опыт в оценке условий труда. Иначе охрана труда останется в руках экспертов, которые придерживаются интересов и идеологии работодателей. Он также считал, что право отказаться от работы не должно быть ограниченным условиями, нормами или присутствием каких-либо определенных данных. Достаточно, чтобы тело самого трудящегося ему подсказывало, что работа вредная.

В результате этой борьбы в Канаде система государственного регулирования (система внешней ответственности) была несколько ужесточена: общие нормы были заменены более конкретными по отраслям и специфическим проблемам; больше внимания было уделено угрозам здоровью (а не только потенциальным

---

³⁰ *Выступление на конференции Федерации труда Онтарио, 1980 (по магнитофонной записи)*

причинам аварий); исполнение закона было централизовано в министерствах труда.³¹

Что касается системы внутренней ответственности, то трудящиеся добились трех основных прав:

1. право быть информированными об опасностях, с которыми они работают;

2. право через своих представителей участвовать в совместных комитетах по охране труда, включая надзор и контроль (ежемесячное обследование рабочих мест), обследование почти несчастных случаев, освобождение от работы с сохранением зарплаты для участия в комитетах и для обучения;

3. право отказаться от работы, когда трудящийся считает - не знает, - что работа вредная или опасная.

Право отказаться от вредной работы истолковывается достаточно широко, то есть опасность не должна быть сиюминутной, но может развиваться постепенно и вылиться в болезнь.

Эти реформы еще дальше подорвали правящую идеологию об общих интересах трудящихся и работодателей. Введя их, государство на практике признало, что существовавшая до тех пор система фактического саморегулирования работодателями - неэффективна, что надо создать противовес власти работодателей, и что этот противовес должны оказывать государство и трудящиеся, которые подвергаются рискам.

3. Ограниченный характер новых прав

Завоевание этих прав было важным шагом вперед для рабочего класса Канады. Но, как показывает статистика, положение в области охраны труда остается очень серьезным. На самом деле, трудно доказать, что эти

---

³¹ E. Tucker, "And Defeat Goes On : An Assessment of Third-Wave Health and Safety Regulation," F. Pierce, *Corporate Crime: Contemporary Debates*, Toronto: U. of Toronto Press, 1995, сmp. 247-48.

реформы привели к существенному улучшению в области безопасности труда. Почему?

Следует сначала констатировать ограниченный характер самих реформ. В рамках “системы внутренней ответственности” самым полным является, несомненно, право знать об опасностях на работе. В 1987 г. была введена общеканадская Система информации по опасным веществам на рабочих местах с целью сделать доступной эту информацию работодателям и трудящимся. В то же время обучение трудящихся об опасностях и как правильно с ними обращаться стало обязательным. Но список опасных веществ далеко не полный. К тому же позволяемые нормы часто не имеют научного обоснования, а лишь отражают уровень, который уже существует на большинстве предприятий, т.е. интересы работодателя преобладают над здоровьем трудящихся. Один исследователь заключил, что в Онтарио “за исключением норм для коксовых печей, Министерство никогда не устанавливало нормы [на безопасном уровне], если оно считало, что это потребует от промышленности слишком значительных затрат”.³² Что касается обучения, то его качество бывает очень разным. Очень многое зависит от того, имеется ли профсоюз на предприятии (в Канаде всего лишь 30% наемных трудящихся состоят в профсоюзах, при этом большая часть из них находятся на службе у государства), и от установки (характера) профсоюза - боевого или соглашательского, независимого или “партнерского”. Там, где профсоюза нет, трудящиеся часто даже не информированы о своих правах.

Главный недостаток второго права - права участвовать в совместных комитетах по охране труда – оно не позволяет трудящимся заставить работодателя устранить или хотя бы уменьшить риски. Хотя представители работодателей участвуют в этих комитетах

---

³² B. Castelman and G. Ziem, “Corporate Influence on Threshold Limit Values,” *American Journal of Industrial Medicine*, no. 13, 1988 г., стр. 531-59; E. Tucker, “The Persistence of Market Regulation of Occupational Health and Safety,” G. England, *Essays in Labour Relations Law*, Toronto: CCH Canadian, стр. 237.

на паритетных началах с представителями трудящихся, даже единодушное решение комитета не обязательно для работодателя. Комитет уполномочен лишь вносить рекомендации.

Буржуазия везде ревностно защищает свою власть на производстве: она везде требует для себя неограниченного права распоряжаться своим капиталом, решать, что, как, где и когда производить. В 1980-е годы попытка социал-демократического правительства Швеции, поддерживаемого достаточно сильным профсоюзным движением, ввести элемент экономической демократии не смогла преодолеть сопротивление работодателей.

Некоторые профсоюзные активисты идут дальше в своей критике, утверждая, что второе право имеет отрицательный эффект, поскольку она укрепляет идеологию “партнерства”, иллюзию, будто интересы работодателей и трудящихся совпадают, тем самым подрывая борьбу на предприятиях за значительные улучшения условий труда. Другие, как, например, заведующая отделом охраны труда CAW Кати Валкер, считают, что тут опять многое зависит от характера профсоюза, от его идеологической установки – на “партнёрство” или на независимость. В последнем случае это право может существенно укрепить позицию трудящихся. (По приложенным документам CAW можно познакомиться с идеологическим подходом этого профсоюза к охране труда. В них ясно прослеживается забота укрепить идеологическую и организационную независимость трудящихся и внедрить в их сознание, что их основные интересы противоречат интересам работодателей.)

Третье право, право индивидуально отказаться от опасной работы, всегда вызывало самое действенное сопротивление работодателей. Это, безусловно, самое веское право, то, которое имеет самый больший потенциал ограничить власть работодателей. Хотя оно не дает трудящимся права непосредственно участвовать в решениях о производстве, когда речь идет об их здоровье и безопасности, оно дает им своего рода вето. Это право

можно сравнить с правом на забастовку, когда идут коллективные переговоры. Без этой угрозы дискуссии длились бы вечно. И хотя в обычном законодательстве это право уже существовало в ограниченной форме, новое законодательство существенно облегчало его применение.

О характере аргументов работодателей против права отказаться можно судить по письму директора по производству мясокомбината “Канада Паккерс” города Виннипег от 1982 года. В этом году социал-демократическое правительство провинции Манитобы впервые ввело это право. (Эта отрасль - одна из самых опасных по уровню производственных аварий и травм.)

«Мы не можем понимать этот шаг, - пишет директор. - Можно подумать, что многие люди травмируются каждый год от того, что их назначают на опасную работу. Но это просто не так. Что подразумевается под “опасной работой”? Очевидно, что некоторые виды работы по самой своей природе более опасные. Нужны осторожность и заботливость, чтобы их безопасно выполнять. Нам же кажется, что этот закон говорит, что руководство везде безответственное, не чувствует ответственности по отношению к своим работникам. Но факты этому противоречат. Если трудящиеся имеют право отказаться от опасной работы, тогда кто будет определять, какая работа опасная, и кто будет ответствен за последствия злоупотреблений этим правом?

Руководство имеет право продуктивно управлять своим предприятием, и то без остановки. Оно обязано это делать, не ставя работников под серьезный или необычный [!] риск. Какой тут смысл давать власть влиять на производство отдельным трудящимся, которые не несут ответственности за рамками порученных им операций? [...]

Вообще мы озабочены тенденцией законодательства, которое дает прерогативы отдельным личностям и группам, которые не несут ответственности за свои

действия. Роль руководства – руководить, брать на себя ответственность и отчитываться за свои решения. Реалия производства такова, что в подавляющем большинстве случаев аварии являются последствием несоблюдения трудящимися установленных правил и линий поведения.”³³

Тут вкратце выражена вся идеология капитала по охране труда: интересы работодателей и трудящихся в основном совпадают; работодатели – социально ответственные люди, и их деятельность не нуждается во внешнем регулировании и надзоре; меры по охране труда не должны ограничить прибыльность предприятия; при найме трудящиеся свободно соглашаются на “обычный” уровень риска; проблема охраны труда заключается в неряшливости трудящихся, а не в единоличной власти руководства решать, как организовать и вести производство.

Стоит коротко остановиться на последнем аргументе. (В профсоюзных кругах Канады его называют “теорией деревенского идиотизма”, идиот из деревни - фигура фольклора.) Как всегда в буржуазной идеологии, поле зрения выбрано самым узким и поэтому удобным для интересов капитала. Даже если условно допустить, что трудящийся, попавший в производственную аварию, был неосторожен, разве не обязанность работодателя организовать производство так и ставить оборудование таким образом, чтобы трудящийся мог на несколько минут мысленно отвлечься от своей монотонной и напряженной работы без того, чтобы причинить себе вред? Трудящиеся ведь живые люди со своей личной жизнью, заботами и мечтами за пределами предприятия. Но работодатели ожидают, чтобы они, вступив на территорию предприятия, стали бездушными роботами в течение восьми и больше часов. А что сказать о постоянной тенденции к интенсификации труда, на которую трудящиеся, как правило, не могут оказать влияние и которая заметно увеличивает вероятность аварий? Интересно также, что

---

³³ D. Smith, *Consulted to Death*, стр. 97.

директор по производству напомнил только об авариях, забывая о профессиональных болезнях и о мускуло-скелетных повреждениях, причиненных постоянно повторяемыми движениями. Ясно почему: в них нельзя обвинять неосторожность трудящихся.

Из трех прав право отказаться от опасной работы, безусловно, стоит в самом прямом противоречии к царящей идеологией об общих интересах работодателей и трудящихся. Это признание государством необходимости дать трудящимся хотя бы какую-то меру власти на производстве, хотя бы право вето, поскольку их интересы и интересы работодателей враждебные.

Но тут опять стоит подчеркнуть, что и это право не является особенно эффективным, если за ним не стоит организованная сила трудящихся. На практике его введение не подорвало установленных социально-трудовых отношений. Например, если инспектор решает, что ситуация на рабочем месте нормальная (т.е. обычная) для данной отрасли, он, по всей вероятности, не поддержит права трудящегося, отказавшегося работать. Исследование, проведенное в провинции Квебек, установило, что инспектора поддержали лишь 40% отказов от работы. И несмотря на это, в 40% из якобы неоправданных случаев, они все-таки издали предписания, требующие улучшения условий работы. Это ведь косвенное признание, что проблема была достаточно серьезной и в этих случаях.³⁴

Но главная проблема – в том, что очень многие трудящиеся просто не верят, что правительство может или хочет их защищать от дисциплинарных мер, если они откажутся от работы. Один исследователь заключил, что в подавляющем большинстве случаев пользуются этим правом трудящиеся, которые организованы в профсоюзы. Неорганизованные боятся. И даже там, где есть профсоюз, трудящиеся с большим опасением относятся к этому праву: как показывает статистика, готовность

---

³⁴ M. Renaud and C. St-Jacques, "The Right to Refuse in Quebec: Five-Year Evolution of a New Mode of Expressing Risk," *International Journal of Health Services*, m. 18, № 4, 1991 г.

отказаться от опасной работы (как, впрочем, и готовность бастовать) во многом зависит от уровня безработицы: когда уровень повышается, увеличивается и страх потерять место работы.³⁵

Очевидно, что без присутствия на предприятии сильного, независимого профсоюза эти права не могут существенно влиять на безопасность трудящихся, если государство не может или не хочет хотя бы частично уравновесить соотношение сил между трудом и капиталом. Но в том-то и дело, что канадские правительства пользовались введением новых прав трудящихся не для того, чтобы укреплять, а в ряде случаев даже чтобы ослабить “систему внешней ответственности” (государственного регулирования условий труда).³⁶ В связи с этим один из лидеров Канадского профсоюза государственных служащих отметил, как сам язык государства изменился по отношению к закону: «Работодатели уже не нарушают закона по охране труда; они просто в состоянии несоответствия к нему. Одна их главных перемен – убрали слово “принуждение”. Инструктора, которые обучают инспекторов, нам рассказали, что этим термином они больше не пользуются». Они стараются убеждать работодателей добровольно выполнять закон.³⁷

Одним из последствий этого подхода был взрыв 9 мая 1992 года на угольной шахте “Вестрей” в провинции Новой Шотландии. За предыдущие пять лет в этой провинции было всего 14 судебных преследований за нарушения закона по охране труда, а максимальный штраф был \$2,500. Взрыв убил 26 рабочих и взволновал общественное мнение, когда выяснилось, что правительство разрешало предприятию работать, несмотря на невыполнение работодателем многочисленных предписаний инспекторов.

---

³⁵ E. Tucker, “And Defeat Goes On,” *сmp.* 259.

³⁶ E. Tucker, “Diverging Trends in Worker Health and Safety Protection,” *Relations industrielles/Industrial Relations*, *m.* 58, № 3, 2003 г., *сmp.* 414.

³⁷ Smith, *Consulted to Death*, *сmp.* 150.

Правительство было обязано назначить следственную комиссию, установить криминальную ответственность работодателя и пересмотреть законодательство по охране труда. В своих заключениях – опубликованных только через пять лет после аварии – комиссия безжалостно осудила руководство шахты, но охарактеризовала его как исключение. Члены комиссии не готовы были отказаться от царящей идеологии, согласно которой конфликты между охраной труда и прибылью решаются, как правило, без того, чтобы поставить трудящихся в ситуацию опасности. Поэтому комиссия могла заключить, что авария была последствием некомпетентности и неряшливости руководства, но только не последствием рационального его поведения, т.е. корыстных побуждений, продиктованных гонкой за прибылью. Разумеется, она не рекомендовала придавать исполнению закона более принудительный характер.³⁸ Впоследствии и криминальное преследование и гражданские иски, связанные с аварией, были прекращены.

4. Сила есть сила

Сегодня Роберт Сасс считает, что ошибся, думая, что введение новых прав кардинально изменит ситуацию в пользу трудящихся:

«Я уже не сторонник этих трех прав. За последние годы я пишу, что права равны шуму. У Сасса есть права, у Рокфеллера есть права – что это значит? У трудящихся есть права, у администрации есть права, у акционеров есть права, у специалистов по производственной медицине есть права, у потребителей есть права. Но мы же говорим о здоровье и безопасности трудящихся. Права не обязательно означают достоинство и самоуважение. Для этого надо иметь возможность определить свое будущее по отношению к условиям труда, нужна власть. Ее эти три права не дали трудящимся».

---

³⁸ Tucker, “Diverging Trends,” стр. 406-07.

Р. Сасс призывает движение трудящихся к “беспрецедентному действию”, которое, наверное, потребует от них игнорировать законы, когда они не работают в их интересах.³⁹

К подобному выводу, что права ничего не дают, если за ними не стоит организованная сила трудящихся, и что правительство не заступится за них, уравнивая соотношение сил, пришли и работники авиастроительного завода “Макдоннел Дуглас” города Торонто в 1987 году, организовав самый крупный в истории Канады коллективный -- и поэтому незаконный -- отказ от работы по причинам вредности труда. Несколько месяцев до этого 3400 членов профсоюза CAW на предприятии избрали нового председателя профкома, рабочего Ника ДеКарло. В начале 1970-х годов начальству предприятия удалось уволить лидеров профсоюза после длительной забастовки, которую тогдашнее американское руководство отраслевого профсоюза (профсоюз был объединенным американско-канадским) фактически подрывало, и ввел очень жесткую дисциплину. Но к середине 1980-х годов настроение, особенно среди более молодых рабочих, становилось беспокойным. За год до этого 600 рабочих другого авиастроительного завода Торонто коллективно отказывались от вредной работы в течение недели и добились улучшений стоимостью в несколько миллионов долларов. А на “Макдоннел Дуглас” было много проблем по охране труда. В своей предвыборной кампании ДеКарло обещал вести более активную политику в этой области.

Он считал что “система внутренней ответственности” плохо защищает трудящихся. Профсоюз неоднократно указывал начальству на проблемы, но они не решались, потому что никто не оказывал давления на него. Что касается государства, то почти девять лет Министерство труда не проводило настоящей инспекции предприятия. Актив профсоюза решил взяться за информирование и

---

³⁹ *Smith, Consulted to Death, стр. 147-49.*

обучение трудящихся о проблемах и за их сплочение и активизацию для предстоящей борьбы.

Профсоюз обратился в независимую клинику по охране труда, недавно основанную Профсоюзом металлургов в близлежащем городе. Клиника обнаружила много случаев потери краткосрочной памяти и другие проблемы нервной системы. Трудящиеся работали с алюминием, пыль от которого имеет токсическое воздействие на мозг. Профсоюз пригласил врачей-специалистов, которые подтвердили, что многие работники, подвергавшиеся воздействию алюминия, имели неврологические осложнения. Но, несмотря на это, когда профсоюз подал заявления на компенсацию для пострадавших, Министерство ответило, что связь с алюминием не доказана. Обследования обнаружили еще болезни легких от асбеста, хотя трудящихся никогда не информировали о присутствии этого сильного токсического вещества.

В конце концов, вся эта собранная информация заставила Министерство послать группу инспекторов. 37 дней они обследовали предприятие и обнаружили свыше двухсот нарушений закона по охране труда. Среди прочего, они обнаружили, что лишь маленькая часть трудящихся прошла подходящее обучение, что фирма не вела положенную документацию об уровне вредных веществ, не информировала совместный комитет по охране труда о заболеваниях трудящихся и что вентиляционная система «никуда не годится». Они издали более двухсот приказов но не ставили жестких сроков для их выполнения. Время шло, а Министерство все продлевало сроки.

Профсоюз собрал трудящихся и объяснил им ситуацию. В результате более 3000 человек бросили работу. Отказ длился пять недель. Каждый день стоил предприятию \$300.000, в два раза больше, чем сумма штрафов, наложенных на всех работодателей провинции Онтарио вместе взятых за прошедший год. За все это время профсоюз вел переговоры с работодателем, и многие проблемы решились. Но когда фирма заявила, что

собирается сокращать 238 человек, трудящиеся решили вернуться на работу. Всё же до конца года почти все нарушения были устранены. К тому же - и это непосредственный результат забастовки - федеральное правительство ввело общенациональную Систему информации об опасных веществах на рабочих местах.⁴⁰

5. Почему так получилось?

Коллективный отказ от работы трудящихся “Макдоннел Дуглас” оказался апогеем движения трудящихся Канады за охрану труда, начавшего в 1970-е годы. К сожалению, он был и лебединой песней подъема. Это и определило ограниченный характер той волны реформ по охране труда. Длительный экономический спад начала 1980-х и новый спад начала 1990-х годов нанес сильный удар активности трудящихся. На этом фоне правительства совершили поворот в сторону “неолиберальной” экономической политики. Суть этой политики – обеспечение уровня прибыли при замедленном темпе экономического роста за счет интенсификации эксплуатации трудящихся. (За последние 25 лет разделение национального продукта между трудовыми доходами и прибылью значительно изменилось в пользу последней.) Во имя борьбы против инфляции, которая объявлялась абсолютно приоритетной, правительства стали проводить жесткую монетаристскую политику (высокие процентные ставки на кредит, сокращение госбюджета), сдерживая рост экономики и тем самым обеспечивая высокий уровень безработицы. Это еще сильнее подрывало активность трудящихся и боевитость их организаций, открывая путь к проведению политики “свободной торговли” (дерегуляции капитала), значительно усиливающей конкуренцию внутри рабочего класса, и к наступлению на социальные гарантии “тридцати золотых” послевоенных лет.

Изменение соотношения классовых сил отражалось и в политике социал-демократической партии, традиционно

---

⁴⁰ Там же, стр. 62-66; “Health for Sale,” CBC Ideas Transcripts, 6-7/IX-99 г.

опиравшейся на движение трудящихся. Например, когда консерваторы, партия капитала, победили на выборах в Саскатчеване в начале 1980-х годов, они, как можно было ожидать, сразу уволили Сасса. Но когда впоследствии социал-демократы вернулись к власти, они уже объявили Сассу, что времена изменились, что не будет расширения прав комитетов по охране труда, которое он в свое время планировал. Словом, рабочий класс уже не имел партии, представляющей худо-бедно его интересы на политической арене. (Компартия всегда была маловлиятельной в Канаде, и ее политика, кроме ее беззаветной поддержки Советского Союза, мало чем отличалась от реформистской политики социал-демократов.)

Все это качественно обострило нестабильность и неуверенность трудящихся. Профсоюзное движение, в основном оборонительное, не успевало за этими крутыми переменами. И хотя оно защищается, как может (значительно лучше чем в США или Англии), оно до сих пор не нашло эффективной стратегии. Остро ощущается отсутствие влиятельных политических организаций трудящихся, особенно социалистических.

Надо добавить, что движение за охрану труда, возникшее в 70-80-е годы, произошло во многом “снизу” и часто сталкивалось с сопротивлением лидеров профсоюзов, которые чувствовали себя удобно при создавшейся после войны системе социально-трудовых отношений, в которой профсоюзы фактически уступили начальству право единолично организовать производство, тогда как они сами отказались от права объявить забастовку во время действия колдоговора. Взамен этих уступок, оправданных во имя сохранения “социального мира”, профсоюзы получили законодательное признание, автоматическое отчисление взносов, регулярное повышение зарплаты своих членов (это пришло к концу в середине 1970-х годов, после чего реальная почасовая зарплата стала стагнировать под давлением наступающего капитала), процедуру обжалования нарушений колдоговора. Кроме этого, высшие

профлидеры пользовались “признанием” в качестве своего рода младших советников государства и работодателей, хотя их советы далеко не были обязательными для внедрения и исполнения.

Движение 1970-80-х годов по поводу проблем охраны труда, хотя оно привело к некоторым улучшениям для трудящихся, испугало многих профлидеров, заинтересованных в сохранении создавшейся системы социально-трудовых отношений, несмотря на то, что она значительно ограничила права и свободы трудящихся в борьбе с капиталом. За некоторыми исключениями (в том числе, частично, CAW Канады) вместо того, чтобы возглавить это движение и вести его дальше по пути ограничения власти капитала на предприятиях и в обществе, а в перспективе к ее полному устранению в пользу трудящегося народа (т.е. к социализму), они снова пошли на соглашение во имя “социального мира”, то есть на “партнерство”. А движение снизу не было достаточно мощным, чтобы заменить это руководство в достаточной мере (достаточно масштабно).

Конечно, в переговорах с работодателями профсоюзы еще выдвигают новые требования по охране труда, и там, где они сильны, они добиваются успехов и заставляют работодателей соблюдать нормы. В некоторых случаях, например, в случаях применения охлаждающих жидкостей в металлообработке, CAW заставил работодателей применять более строгие нормы, чем установленные государством. Но далеко не все профсоюзы такие сильные. Да и, как отмечено выше, далеко не на всех предприятиях трудящиеся организованы в профсоюзы. И поскольку нельзя серьезно полагаться на поддержку государства против работодателей, на многих предприятиях трудящиеся практически бесправны.

6. О соотношении сил: вместо заключения

Опыт борьбы канадских трудящихся за охрану труда за последние 150 лет ставит вопрос о том, к чему

трудящиеся могут реалистично стремиться и какая стратегия должна руководить их действием.

Этот опыт учит, что безусловно ключевым элементом является соотношение классовых сил. Поскольку интерес трудящихся в безопасных и *достойных человеку* условиях труда сталкивается не только с интересом капитала увеличить до предела прибыль, но еще больше с его интересом монополизировать экономическую власть, вопрос в конце концов должен решиться силой.

В этой борьбе капитал пользуется некоторыми важными преимуществами. Во-первых, он организует производство. Эта власть является одновременно и объектом борьбы трудящихся за охрану труда, и исходным её пунктом. История борьбы трудящихся показывает, что капитал может частично уступать эту власть в виде рабочего контроля, разных форм “соучастия”, подписания колдоговоров. Уступки власти могут быть более или менее реальными. Но поскольку они реальные, они были сделаны только под давлением, и капитал поспешит уступленную власть отобрать, как только соотношение сил снова изменится в его пользу. А это неизменно случится, если движение трудящихся не идёт до конца, не отбирает всю власть у капитала. Поле классовой борьбы при капитализме структурно наклонено в пользу капитала

Другое преимущество – идеологическая власть. Капитал определяет царящие (господствующие) идеи в обществе. По словам Маркса и Энгельса, “Мысли господствующего класса являются в каждую эпоху господствующими мыслями. Это значит, что тот класс, который представляет собой господствующую *материальную* силу общества, есть в то же время и его господствующая *духовная* сила. Класс, имеющий в своём распоряжении средства материального производства, располагает вместе с тем и средствами духовного производства, и в силу этого мысли тех, у кого нет средств для духовного производства, оказываются в общем

подчинёнными господствующему классу.”⁴¹ Тут, как мы видели из истории борьбы за охрану труда в Канаде, трудящиеся могут тоже кое-чего добиться и подорвать идеологическое господство капитала. Но и эти уступки не стабильны. Они в конце концов тоже зависят от соотношения классовых сил.

Третье преимущество - государство. Даже если оно демократическое (т.е. разрешает более или менее свободную конкуренцию политических сил за влияние на государственную политику), при капиталистическом строе оно само остается капиталистическим. Его основная забота - обеспечить воспроизводство этого строя, и от этой заботы оно никогда не откажется. Но в этих пределах и под давлением его можно заставить идти на уступки трудящимся. Но как только давление ослабляется, его привязанность к интересам капитала снова выходит наружу. Это так, даже когда правительство составляет партия, исторически связанная с движением трудящихся. Словом, хотя капиталистическое государство частично отражает соотношение классовых сил, напрасно надеяться, что без действенного давления оно заступится за трудящихся и уравновесит неравное соотношение сил между трудом и капиталом.

Канадский опыт даёт также ответ и на вопрос: в чем состоит сила рабочего класса? Она зависит, конечно, от множества разных факторов, в том числе и от поддержки социальных союзников, и от слабости буржуазии (сила – общественное отношение). Но все же основными источниками силы рабочего класса являются солидарность и активность рядовых трудящихся, их сознательная преданность общим целям, вера в их коллективную способность положительно влиять на свои условия и на курс развития общества в целом, и наконец, их идеология – анализ природы существующего строя и того общества, куда в конечном счете их борьба должна их привести.

---

⁴¹ К. Маркс и Ф. Энгельс, *Немецкая идеология*. - К.Маркс и Ф.Энгельс. Сочинения. 2-е издание. Том 3. стр. 45-46. - М.: Политиздат. 1955г.

Анализ борьбы трудящихся в Канаде приводит к заключению, что при капитализме нереалистично ожидать качественных и особенно стабильных улучшений в области охраны труда, а тем более гуманизации условий труда. Для этого надо устранить эксплуататорские отношения, демократизировать экономическую власть, словом – нужен социализм.

Это не значит, что борьба за реформы бесполезна и не нужна при капитализме. Опыт Канады показывает, что без борьбы ситуация сегодня была бы, безусловно, гораздо хуже, чем она есть. Но охрана труда – это не только вопрос безопасности и здоровья на работе. Это вопрос человеческого достоинства. Недостойно ведь свободному человеку согласиться обменять свое здоровье на кусок хлеба, так же, как недостойно ему согласиться ради этого хлеба стать роботом, искалечить себя умственно и физически, отказаться от развития своих способностей и талантов. Трудящиеся, которые не готовы защищать свое достоинство при капитализме, не способны добиться освобождения.

И последнее. Канадский опыт показывает еще, что права, которые не опираются на организованную силу трудящихся, дают мало реального. (На шахте Вастрей не было профсоюза. Из-за высокой безработицы в регионе шахтеры не поддерживали попытки Профсоюза объединенных горняков проникнуть на предприятие.) Но Сасс не совсем прав, когда он говорит, что они (права) равны шуму. Да, не опираясь на силу, они мало чего стоят. Но они могут всё-таки внести значительный вклад в борьбу, когда эта борьба есть. Они не только укрепляют уверенность трудящихся в правоте их дела, но они и подрывают сопротивление работодателей и особенно государства, которое должно заботиться о своей демократической легитимности.

Борьба за реформы крайне нужна. Но стратегическая установка на социализм – даже если эта цель кажется очень далекой - значительно увеличит вероятность ее эффективности.

7. 28 апреля - День траура

В 1984-ом году Канадский съезд труда⁴² принял решение отметить 28 апреля как День траура по жертвам условий труда. В этот день в 1914-м году парламент провинции Онтарио принял первый закон в стране об обязательной компенсации жертвам производственных аварий.

28-го апреля, трудящиеся Канады вспоминают умерших, искалеченных, заболевших на работе и заново посвящают себя борьбе за безопасный труд под лозунгом: **“вспоминайте умерших и боритесь, как черти, за живых”**. В этот день проходят митинги, раздаётся литература во всех провинциях страны и во множестве городов. На многих предприятиях и во многих организациях трудящиеся перестают работать в 11:00 утра и соблюдают минуту молчания. Во многих городах поставлены памятники жертвам условий труда.

В 1991 году федеральное правительство Канады официально признало этот день. 28-го апреля над парламентом страны флаг приспущен. Уже более 80 стран официально отмечают его. Недавно День траура был признан ООН.

Не пора ли трудящимся стран СНГ его отмечать?

Приложения

ДОКУМЕНТ

**Канадский профсоюз
работников автомобилестроения, аэрокосмической
промышленности, транспорта и других отраслей
(CAW-TCA)**

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПО ОХРАНЕ ТРУДА

---

⁴² так называется объединение (федерация) профсоюзов Канады.

Наше право на здоровые и безопасные рабочие места.

Трудящиеся, как люди, имеют фундаментальное право на безопасные рабочие места и на материальное, духовное и социальное благосостояние.

СИЛА

В нашем обществе работодатели решают, где нам работать, работать ли нам вообще, как нам работать, безвредная или опасная наша работа. Когда мы боремся за решения таких проблем трудящихся, как предотвратить увечья от постоянно повторяемых движений, спинную боль, скуку, монотонность и стрессы, мы посягаем на сферы действия, которые начальство считает исключительно своими: выбор материалов, химических веществ и технических процессов; ритм производства; давление надсмотрщиков; сменность работы; чрезмерная сверхурочная работа; общая концепция и управленческая структура предприятия и производственной системы.

Нам необходимо изменить соотношение сил в пользу трудящихся. Мы рискуем своей жизнью, своими руками, ногами и здоровьем на работе, а они рискуют лишь своей прибылью.

ИЗМЕНИТЬ СООТНОШЕНИЕ СИЛ

Профсоюзная комиссия по охране труда должна определить собственные приоритеты до того, как встречаться с начальством в совместном комитете.

Совместные комитеты по охране труда должны владеть полномочиями, которые позволяют им принимать решения, а не только делать предложения начальству. Для того, чтобы мы могли обеспечить здоровье и безопасность наших членов, надо стремиться к тому, чтобы в совместных комитетах большинство было представителями трудящихся.

Чтобы обеспечить безопасность работы трудящихся, наши представители по охране труда должны иметь

полномочия при необходимости отключать и останавливать оборудование.

Нам надо расширять состав вопросов, которые входят в компетенцию совместных комитетов по охране труда. Эргономика - наука приспособления рабочего места к трудящемуся - начала расширять наш кругозор.

Мы должны требовать строгого применения эффективных законов для того, чтобы и неорганизованные в профсоюзы трудящиеся были защищены.

ТРИ ПРАВА

В канадском законодательстве по охране труда подчеркиваются три права трудящихся:

- ***право знать об опасностях на рабочем месте, особенно об опасных химических веществах;***
- ***право участвовать в управлении охраной труда, особенно в совместных с начальством комитетах по охране труда;***
- ***право отказаться от опасной работы.***

Этих прав трудящиеся добились борьбой на предприятиях, забастовками, а также давлением на правительство. Мы их впервые добились благодаря поддержке правительства Новой демократической партии провинции Саскачеван в 1972 г. (социал-демократической партии, опиравшейся тогда на профсоюзы). Надо расширять и укреплять эти права.

ОХРАНА ТРУДА И ОКРУЖАЮЩАЯ СРЕДА

Мы должны бороться с претензией начальства единовластно вести производство. Мы должны настаивать на замене ядовитых веществ, применяемых или производимых на предприятиях, веществами менее вредными для трудящихся и для окружающей среды. Мы должны охранять здоровье членов нашего профсоюза, наших семей и планету в целом.

НЕОБХОДИМО РАСШИРИТЬ НАШИ ПРАВА И ВКЛЮЧИТЬ В НИХ:

- право граждан знать об отходах на производстве;
- право заниматься проблемами охраны окружающей среды в совместных комитетах по охране окружающей среды или в совместных комитетах по охране труда с расширенными полномочиями, включая защиту окружающей среды;
- право трудящихся отказаться загрязнять окружающую среду.

В области охраны труда и защиты окружающей среды мы должны делиться опытом с трудящимися других стран и учиться на их опыте.

ДОКУМЕНТ

Примерный раздел по охране труда колдоговора Профсоюза CAW-TCA

1. Обязанности работодателя

Работодатель обязуется принимать и поддерживать все меры предосторожности для обеспечения безопасного и здорового рабочего места для каждого работника. Работодатель обязуется соблюдать всё соответствующее законодательство и действующие нормы как минимальный стандарт.

2. Совместный комитет по охране труда и окружающей среды

а). Будет создан Совместный комитет по охране труда и окружающей среды, в который войдут, как минимум, два представителя профсоюза, избранных профсоюзом. Число представителей работодателя⁴³ не должно превысить число представителей профсоюза.

б). Комитет избирает двух сопредседателей со своего состава, одного от профсоюза, второго от работодателя.

---

⁴³ Справка: Канадское законодательство считает членами администрации /представителями работодателя/ должностных лиц от мастера и выше и запрещает их членство в профсоюзе.

в). Не исключая другие возможные виды деятельности, комитет должен:

- утвердить план и проводить сопредседателями или другими назначенцами лицами комитета инспекции (проверки) не реже одного раза в месяц. Эти инспекции должны обследовать все рабочие места, в том числе и здания, сооружения, территорию, инструменты, оборудование, методы работы и установленные порядки, включая эргономические оценки. Инспекции должны проводиться достаточно часто, чтобы предотвратить возникновение опасных условий труда, травм и аварий;

- рекомендовать меры для обеспечения высокой степени соблюдения соответствующих государственных норм и для устранения опасностей;

- рассматривать рекомендации работников по вопросам здоровья, опасностей и окружающей среды и рекомендовать их применение, где это оправдано;

- проводить заседания не реже одного раз в месяц для рассмотрения отчетов о текущих травмах, авариях, профзаболеваниях, повреждениях от растяжения связок; их причины и средства предотвращения; действия принятые для выполнения предписаний как следствие обследований или инспекций; все другие дела, относящиеся к охране труда и здоровья;

- вести протоколы заседаний, которые должны подписать сопредседатели; вывесить протоколы на доске объявлений и послать их профкому и представителю ЦК профсоюза;

- работодатель обязуется оплачивать как рабочее время время, проведенное членами комитета во исполнение их обязанностей согласно условиям этого колдоговора;

- профсоюзный комитет по охране труда должен собираться без представителей работодателя не менее чем за час до собрания совместного комитета.

3. Право отказаться

а). Работодатель обязуется сделать всё необходимое для того, чтобы каждый работник был информирован о

своим правом отказаться от опасной работы, которая может повредить ему или любому другому человеку; он обязуется вывесить объявления в цехах об этом праве.

б). Когда работник применяет право отказаться от работы, он должен сразу же сообщить руководителю, который, в свою очередь, сообщает профсоюзному сопредседателю комитета или другому доверенному лицу (назначенцу) профсоюза. Последний участвует во всех этапах обследования. Работник, оставаясь в безопасном месте, участвует во всех этапах обследования опасности.

в). Работодатель следит за тем, чтобы администрация не просила другого работника и не разрешала ему выполнять работу того работника, который отказался от работы, если тот работник не был информирован о причинах отказа в присутствии сопредседателя и отказывающегося работника.

г). Если профсоюзный сопредседатель и руководитель не могут согласиться о действии по отношению к отказу от работы, вызывается государственный инспектор.

д). Работник не может быть уволенным, наказанным, принужденным к работе за отказ от опасной работы или за соблюдение закона или норм.

4. Обследование аварий и инцидентов

Каждое повреждение или почти повреждение, из-за которого работник должен обратиться к врачу или идти в больницу, должно подвергаться обследованию. Сопредседатели или доверенные лица профсоюза (назначенцы) должны обследовать аварию или инцидент.

5. Обучение

а). Нельзя обязать или разрешать работнику занимать рабочее место или работать на оборудовании до того, пока он не прошел подходящее обучение и практический инструктаж, включая обучение эргономике и по обращению с опасными химикатами.

б). При действии этого колдоговора членам комитета от профсоюза предоставляется одна оплачиваемая неделя в год для посещения курсов или конференций,

организованных профсоюзом или выбранных им лично. Работодатель оплачивает эту учебу.

в). Каждый год каждый член профсоюза проходит восемь часов учебы по охране труда. Учеба ведётся профсоюзом. Работодатель оплачивает рабочему это время и весь процесс обучения.

6. Предоставление информации

Работодатель обязан предоставлять профсоюзу и комитету письменную информацию обо всех биологических агентах, химических соединениях, веществах, побочных продуктах и физических опасностях связанных с рабочей средой. Эта информация должна включать, среди прочего, химический состав химикатов, описанных коммерческими названиями, соответствующие данные о потенциальных опасностях, результаты исследований для установления уровня загрязнения, максимально допустимых уровнях, меры безопасности, симптомы, профилактические процедуры, и противоядия.

7. Право сопровождать инспекторов

Сопредседатель совместного комитета от профсоюза или другой назначенец профсоюза может сопровождать государственного инспектора во время обследований и говорить с ним вне пределов слышимости других людей.

8. Доступ к рабочим местам

Профсоюзным активистам по охране труда или консультантам профсоюза предоставляется доступ к рабочим местам и к собраниям комитета или профсоюзного комитета, или для обследования рабочих мест, или надзора за ними.

9. День памяти

Каждый год 28-го апреля в 11 часов работа останавливается и соблюдается минута молчания в память погибших или травмированных на работе трудящихся.

10. Спецодежда и средства индивидуальной защиты

Работодатель обязуется предоставлять всем работникам, чья работа требует средств защиты, все необходимые инструменты, оборудование и защитную одежду, включая защитную обувь (которая обновляется не реже одного раза в год) и защитные очки (по рецепту глазного врача, если нужно). Эти средства содержатся, ремонтируются и обновляются, когда надо, за счет работодателя. Стороны признают такие защитные средства лишь временными мерами. Условия, из-за которых возникает их необходимость, должны впредь исправляться путем технических улучшений или устранения опасностей.

11. Обеспечение выключения оборудования и наличие заградительных средств

Работодатель обязуется обеспечить, чтобы всё оборудование имело механизмы обязательного выключения при налаживании или ремонте (имеется в виду, чтобы оборудование не могло работать или случайно включаться при такой работе), так и заградительные сооружения. Совместный комитет должен выработать процедуры обязательного выключения и проверки программ заграждений. Все работники, которые работают в опасных условиях, должны пройти необходимое обучение по своей работе. Это обучение проводится инструктором, избранным профсоюзом.

12. Найм работников-инвалидов

Работодатель обязуется предложить каждому работнику-инвалиду, получившему увечье на производстве, подходящую работу по возвращении после лечения и на столько, сколько его инвалидность продолжится.

13. Персонал скорой помощи

Персонал скорой помощи, который должен состоять из членов профсоюза, создаётся во всех сменах. Работодатель обязуется оплатить за учебу, учебники и потерянное время всего персонала первой медицинской

помощи, который успешно заканчивает курс скорой помощи.

14. Положения для травмированных работников

Работник, который получает травму во время работы и который должен отсутствовать для лечения, или который отправлен домой, получает свою среднюю зарплату за все время отсутствия. Работодатель ему предоставляет транспорт, чтобы добраться до врача, больницы или дома.

15. Никто не работает один

Никакому работнику не требуется и не разрешается работать одному.

16. Фонд обучения по охране труда профсоюза CAW-TCA

Работодатель обязуется платить три цента за каждый отработанный трудящимися человеко-час в Фонд обучения по охране труда профсоюза CAW-TCA.

Размышления над текстом

ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОРЫ, ПОХОЖЕ, ВЫХОДЯТ-ТАКИ ИЗ МОДЫ...

(Плакся Вячеслав Иванович. БЕЗРАБОТИЦА: теория и современная российская практика (социально-экономический аспект). Монография. – М.: Издательство РАГС. 2004. 384 с.)

Горизонт видения

От Адама Смита, от его «Исследования о природе и причинах богатства народов» (1776) пошла как бы родовая профессиональная травма всей политической экономии (и economics – тоже) – склонность к экономическому детерминизму. У последователей

А.Смита (например, у К.Маркса в «Капитале») экономический детерминизм даже более сгущён и более зловещ, чем у самого А.Смита.

Про удачливого говорят: «Родился в рубашке». Политэконом рождается с экономическими шорами. Шоры, напомню, это такие приспособления (заслонки), которые работающему мерину перекрывают боковое видение. Чтобы глядел, куда следует, не отвлекался всей прочей жизнью от своего прямого узкого предназначения, чтобы был отгорожен, оторван от жизненного контекста. Но Сивый-то не пишет книг, не рассуждает об устройстве хозяйства и общества, не вырабатывает проектов судьбоносных хозяйственных реформ. А политэконом только этим и занят. Шоры ему цепляют в процессе экономического образования. Состоят они в глубоком заблуждении, будто экономический базис – единственная, естественная и вечная **причина** общественного развития, а всё остальное в обществе – **всегда следствие**. Политэконом (не говоря уж о конкретном экономисте) твёрдо уверен, что зрит в корень общественного развития, когда не принимает во внимание (или очень мало принимает во внимание) всё равно что, если это не экономика.

Российские реформаторы либерально-фундаменталистского пошиба (из перворазрядных – А.Б.Чубайс, Е.Г.Ясин, Г.О.Греф, из второразрядных – Е.Т.Гайдар, Б.Е.Немцов, А.Улюкаев и др.) перещеголяли даже таких вульгарных экономических материалистов, как И.В.Сталин. Вся идеология шоковых реформ, все меры «Программы Г.Грефа» (включая реформу ЖКХ, образования, здравоохранения, науки и т.п.) немыслимы без экономико-детерминистских шор, без сознательного, неукоснительного, полнейшего и тщательнейшего отрыва экономики от общества, от социальных процессов.

Когда с конца 1991 – начала 1992 г. начались так называемые рыночные реформы⁴⁴, отечественные

---

⁴⁴ Почему пишу «так называемые»? Потому что рыночными их называли западные экономические советники от МВФ и Всемирного банка, а следом за ними – их российские

экономисты, зашоренные сталинистской политэкономией, дружно стали рассуждать о перестройке, о распаде СССР, о приватизации, о разных реформах, **не выходя за пределы узкого экономического горизонта**, на сугубо экономическом языке. Это только сейчас, почти 15 лет спустя, некоторые из них не кривятся и не возражают, когда события 1988-1991 годов называешь революцией. Но многие и до сих пор кривятся и возражают: де, время революций давно прошло, «Россия исчерпала свой лимит на революции», настало время смешанного общества и т.п.

Системные общественные реформы затронули все сферы жизни общества, включая и экономику. У экономистов же выходило, что реформы по целям и содержанию в основном экономические. Доходило до абсурдов: некоторые утверждали, что в обществе и у государства в 1990-е годы не было социальной политики – одна экономическая(!).

В контексте такого экономико-детерминистского видения общественных событий сложилось и понимание

последователи и сотрудники (только что перед этим рекомендовавшиеся марксистами), да политики-демагоги (только что перед этим бывшие видными деятелями правящей КПСС). «Рыночные реформы» - это, конечно, не более, чем брэнд. Существо же общественно-экономических перемен раскрывалось иными терминами: «революционные реформы», «глобализационные реформы, колонизирующие Россию», «экономический геноцид населения в ходе форсированного первоначального накопления капитала» и т.п. Даже Е.Т.Гайдар, спустя некоторое время, стал соображать, что делается в России. «Собственно глубокие структурные реформы, написал он в 2003 г., - наше правительство начало проводить в 1992 г. Но тогда большая часть экономико-политической элиты не знала о том, что эти реформы – структурные...» Как-то грустно и неловко читать о «приятном удивлении» С.Фишера (высокий чин из МВФ), который в 1997 г. обнаружил, что российские либералы допетрили-таки насчёт характера российских реформ (по крайней мере, усвоили название «структурные») (Е.Т.Гайдар. Современный экономический рост и стратегические перспективы социально-экономического развития России. – М.: ГУ-ВШЭ. 2003. С.5).

перемен, касавшихся непосредственно трудящихся. На первый план вышло не комплексное рассмотрение социального положения трудящихся, а рассмотрение процессов формирования одного из сегментов капиталистического хозяйственного механизма – рынка труда. О рынке труда написано непропорционально много в сравнении с другими проблемами и переменами, непосредственно затрагивающими трудящихся и их семьи. Всё в человеке и в населении оказалось экономистам неинтересно, кроме его свойства быть рабочей силой, фактором производства. В который уже раз политэкономы (и другие экономисты) соглашались глядеть на мир с позиций предпринимателя-нанимателя. Увы!

Мало, очень мало публикаций, авторы которых глядели бы на реформенные процессы 1990-2000-х годов гораздо шире и видели бы не только складывание и действие рынка труда в России, а глубокое социально-структурное (то есть революционное) преобразование в ней социально-трудовых отношений в целом.

Монография В.И.Плакси «Безработица» привлекла внимание специалистов не только глубоким рассмотрением причинно-следственных связей рынка труда и безработицы. Этот аспект был фундаментально проработан в предыдущей монографии того же автора⁴⁵. В его новой книге содержится отрядный поворот от сосредоточенности на рыночно-трудовых отношениях к гораздо более широкому подходу (и потому более плодотворному) – к социально-экономическому подходу, к рассмотрению социально-трудовых отношений. Безработица в аспекте рынка труда и рыночно-трудовых отношений и безработица в аспекте социального положения (социального состояния) трудящегося населения, в аспекте социально-трудовых отношений. Чувствуете разницу? Она существенна. Специалисты чувствуют.

---

⁴⁵ В.И.Плакся. *Безработица в рыночной экономике (Вопросы теории, методологии и государственного регулирования)*. – М.: Изд. РАГС. 1996. 299 с.

В.И.Плакса посмотрел на безработицу и с общепринятой стороны – со стороны рынка труда, и с более широких позиций – со стороны социально-политических взаимодействий. Первый аспект рассмотрен им в некоторых отношениях глубже, чем в остальной литературе. А второй аспект – это реальный вклад в исцеление от экономических шор.

Рынок труда и найм: экономический и общественный контексты

В книге В.И.Плакси первый раздел называется очень традиционно – «Рабочая сила на рынке труда». Название не предвещает тех сдвигов в подходах, за которые мы высоко ценим эту монографию. Если читать книгу «наискось», то есть просматривать, не очень-то вдумываясь, то заметишь лишь добротность, академическую проработанность материала, концентрированную сведённость многих проблемных вопросов рынка труда, их увязанное изложение. Но эту книгу стоит читать вдумываясь, не торопясь, припоминая другие книги и статьи по затронутому кругу теоретических и практических сюжетов. Если вникаешь в логику и в мысли автора, то обнаруживаешь не только свежие повороты и нюансы, но и «смену культуры мышления». А если не смену, то, как минимум, корректировку культуры мышления, притом существенную.

Вот первый пример. На стр. 13-14 есть разделчик: «Рынок труда – не причина, а следствие рыночной экономики». Итоговая мысль автора здесь такая:

«...если верно, что без рынка труда рыночная экономика невозможна, то столь же верно и то, что без предварительного изменения отношений собственности и осуществления других вышеназванных условий (этих условий указано пять – Б.Р.) невозможно создание рынка труда. Полномасштабная реализация указанных условий есть неременная предпосылка и решающий фактор формирования и функционирования современного рынка труда». (Стр. 14)

А и вправду, припомним практику и литературу о рынке труда 1990-х годов. Ассоциация возникает с бородатым анекдотом о бассейне в сумдоме. Там пациенты и с вышек учились прыгать, и брассом плавать, и нырять. Обещали, когда научатся, в бассейн воды налить. Примерно так происходило у нас с рынком труда в жизни и в научной литературе. Давайте, мол, создадим инфраструктуру и конкретные механизмы рынка труда, а уж потом станем всерьёз соблюдать законы о труде и о профсоюзах, приступим к государственному установлению нормальной минимальной цены труда, начнём исполнять судебные решения по трудовым спорам и т.п. Ведь 15 уже лет (!) исправно действует государственная система саботажа правоприменения и правопорядка в социально-трудовой сфере, отсутствуют трудовые суды и арбитражи, Правительство и Федеральное Собрание РФ глумятся над здравым смыслом и над десятками миллионов людей, устанавливая минимум оплаты труда на уровне от 5 до 20% прожиточного минимума (да и то без учёта семейной нагрузки – дикий подход, зафиксированный и в новом Трудовом кодексе РФ). Тот факт, что правительственный орган такого саботажа - Министерство труда и социального развития РФ - ликвидирован, ничего не изменил. Система саботажа исполнения конституционных обязанностей государства в социально-трудовой сфере, налаженная в годы ельцинского экономического геноцида населения, исправно действует по сю пору. Вывод В.И.Плакси верен. Пока существует «бандитский капитализм» или «постбандитский капитализм, то есть капитализм амнистируемого бандитизма», никакого нормального рынка труда в России ждать не приходится.

Мысленно оглядываясь на литературу 1990-х годов о рынке труда, поражаешься, что центр теоретических изысканий и объяснений сосредоточился на разглядывании ситуации Д-Т (деньги-товар) на рынке труда. Бесконечные разговоры об особом товаре рабочая сила, о том, что является товаром – труд или рабочая сила, о том, что рынок труда возникает, во-первых, когда работник лишён средств производства, и, во-вторых, когда

он лично свободен (от лукавого тут поправка и добавочка: когда он **собственник рабочей силы** и потому может её продавать). Уважаемые коллеги! Ну, сколько же можно скакать на месте!? Ну, уточните хотя бы, что рассуждаете не о всяком рынке труда, а о **капиталистическом** рынке труда. Ой, откликаются, чур! чур! Мы экономисты, мы в политику ни ногой и «измов» не признаём.

Не признавать «измов» - это значит рассуждать «вообще». Разве вы забыли, коллеги, что рабочая сила продавалась и до капитализма, что были невольничьи рынки, рынки крепостных, а по сию пору существуют серые рынки проституток, не единичная продажа заложников, а то и солдат в рабство? И потом: кто больше заинтересован в личной свободе продавца рабочей силы – продавец или покупатель этого товара? Оба, конечно, но капиталист, несомненно, больше. Личная свобода продавца рабочей силы означает для её капиталистического нанимателя снятие с себя социальной ответственности за уровень жизни, за уровень занятости и т.п. Он купил (нанял) на срок, за определённую цену. За пределами этого срока и при условии выплаты контрактной цены капиталист работнику ничего не должен. Такова логика стереотипных суждений и доктрин о рынке труда.

Когда я читаю и слышу всё подобное (о собственности на собственную рабочую силу, о найме как купле-продаже товара рабочая сила, о цене труда (рабочей силы) как сугубо экономическом и сугубо объективном явлении), у меня по отношению к авторам таких суждений возникает обычно одна из двух мыслей: или «Ах ты, апологет бессовестный!» или «Ах ты, попугай дипломированный!» Я понимаю, что у большинства советских ещё экономистов это от неудачного изложения вопроса К.Марксом в первом томе «Капитала», а у большинства молодых экономистов – от учебников по Economics. Слава богу, что есть ещё А.Смит, придававший первостепенное значение соотношению

классовых сил, когда решал вопрос о нормальном уровне заработной платы.

Но, признаюсь, бываю в полной и горькой растерянности, когда от современных наёмных рабочих и служащих слышу суждения насчёт того, что отношения капиталиста и наёмного, труда и капитала исчерпываются контрактными обязательствами при купле-продаже рабочей силы. Я проверял и выяснил: так считает большинство современных наёмных россиян, вернее – такой стереотип рассуждений у них в головах и всегда наготове. И этот печальный факт заставляет меня активно атаковать набор традиционных трактовок, касающихся рынка труда. Книга В.И.Плакси – несомненное подспорье в этих атаках.

Глава 1 монографии В.И.Плакси «Безработица» содержит последовательное различие формальной и реально-содержательной стороны рыночно-трудовых отношений. Анализу соотношения формальной стороны дела и её стереотипного отражения в сознании, с одной стороны, и существования действительной практики, с другой, автор в основном и уделил внимание. Это лейтмотив теоретического накала книги в целом и её первой главы – в частности. Отметим лишь несколько сюжетов.

1. «Как экономическая категория (как экономическая – заметьте это! - *Б.Р.*), - пишет В.И.Плакса, - рынок труда выражает отношения между владельцем данного товара - собственником рабочей силы, ее продавцом, с одной стороны, и собственником (владельцем) денег, покупателем товара - рабочей силой, или работодателем, с другой. Указанные экономические отношения (опять верно отмечено, что экономические – *Б.Р.*) облачаются в юридическую форму (договор, контракт. соглашение) и фиксируются в трудовом законодательстве» (Стр. 18-19). Всё верно – и всё плоско, если смотреть на рынок труда как на экономическую категорию, не так ли?

Но В.И.Плакса так плоско на рынок труда и не смотрит. Он отказывается безоговорочно признать продажу личностного фактора свободным взаимоотношением (стр.18-20). Он доказывает, что имеет

место свобода вынужденного и ограниченного выбора. Доказать такое, исходя из логики сугубо экономических подходов, невозможно. А возможно, если взаимоотношения продавца и покупателя рабочей силы рассматриваются с позиций экономического, правового и социального статуса продавца (стр. 21-24). И оказывается, что «формальное равенство погашается, аннулируется фактическим неравенством в положении контрагентов, юридическая свобода продавца рабочей силы нейтрализуется, элиминируется его экономической несвободой. В экономическом плане позиции участников сделки неравны» (стр.22). Видите как: формально равны, фактически – нет.

2. Откуда берётся безработица и что она такое?

«В экономической литературе, как западной, так и в российской, постсоциалистической, достаточно широко распространены идеи концептуального порядка, суть которых состоит в том, что безработицу порождает именно рынок труда. Он порождает якобы не только безработицу, но и грандиозные общественные движения и даже социальные революции» (стр. 27-28). И ещё: «Существуют утверждения, что причиной безработицы является несбалансированность рынка труда, нарушение равновесия между спросом на труд и предложением труда» (стр. 28-29).

В.И.Плакся, естественно, отвергает эти утверждения как поверхностные, не вскрывающие глубинных причин. И формулирует свой тезис о глубинных причинах образования безработицы:

“...безработицу порождает не рынок труда сам по себе, а рыночная экономика в целом, интегральной частью которой он (рынок труда) является. В свою очередь, безработица, получив мощный импульс для своего развития от породивших ее факторов, становится неотъемлемым атрибутом системы рыночной экономики, оказывая огромное воздействие на результативность хозяйственной деятельности субъектов рыночного хозяйства, на экономическую и социальную жизнь всего общества (стр.30).

Проведя анализ западных теорий безработицы и устранив расплывчатость понятий «вынужденность» и «неизбежность» безработицы, В.И.Плакса приходит к выводу: «Частная капиталистическая собственность – сущностная причина безработицы. ... Безработица есть функция системы наемного труда. Уволить с работы, лишит рабочего места и средств к существованию, сделать безработным можно только наемного работника, не владеющего средствами производства предприятия, на котором он трудится, и не являющегося собственником продуктов своего труда. В этом - ключ к разгадке природы безработицы, причин ее происхождения, ее постоянного существования как неотъемлемого, пожизненно “встроенного” элемента экономической системы, основанной на наемном труде. Вступив на путь создания рыночной экономической системы, основанной на наемном труде, Россия обрела и неизбежно присущего этой системе “спутника” - безработицу для миллионов людей труда со всеми вытекающими из этого неблагоприятными экономическими и социальными последствиями» (стр.38-39).

3. Увязав безработицу с частной капиталистической собственностью, В.И.Плакса увязывает с формами собственности и их изменениями и статус занятых наёмных работников. Достаточно перечислить названия рубрик третьего параграфа 1 главы, чтобы понять, насколько приближает к реальности такая увязка: «Современная социальная фигура – «наёмный работник с акциями»»; ««Русский путь»: гражданин с ваучером»; «Новый ракурс оценки «революции в собственности»»; «Подробнее о «народной приватизации» и «миллионах собственников»»; «Возможности трудового коллектива»; «Наёмный акционер на рынке труда»; «Наилучший для работников вариант»; «Опыт планов ЭСОП в США»; «Российские реформы собственности игнорируют прогрессивные тенденции».

Приветствуя достижения В.И.Плакси в теоретическом изучении рынка труда и причин безработицы, мы ценим их прежде всего за отход от вульгарного детерминизма

(экономического материализма), традиционного как для сталинистской политэкономии, так и для либерального фундаментализма. Такой отход – всегда отход в сторону реального видения событий, процессов и тенденций, а при последовательном продвижении – в сторону исторического материализма. Скажем к слову, что историко-материалистическая методология анализа социально-трудовых отношений дала в последние 15-20 лет немало принципиально нового в трактовке не только рынка труда, но и отношений найма, и отношений нанятости, и макросоциальных и микросоциальных пропорций, и др. Но сейчас не об этом речь.

Социальная безответственность российского государства в 1990-е годы

У А.Смита, помните, как компенсируется экономически-детерминистская закваска, связанная с «невидимой рукой рынка»? Признанием регулирующей роли соотношения классовых сил, классовой борьбы, а в результате – и законодательства, то есть механизма государственной власти. Через 150-200 лет после А.Смита схема представлений обо всем об этом упростилась (вульгаризировалась) и у либералов, и у сталинистов. Осталась, во-первых, «невидимая рука рынка» (под именем объективных экономических законов рыночной экономики), уже вовсе отвязанная от действий каких-либо субъектов – уже действующая «сама по себе». И осталось, во вторых, государство – уже не как **механизм власти**, отражающий перипетии социальной политики, борения социально-групповых сил (классов), а как некий готовый субъект, первосубъект, «ничей» субъект⁴⁶.

---

⁴⁶ Коллеги! Чего помалкиваете? Почему не хватает мужества и у либералов-реформаторов, и у реформаторов от КПСС извиниться за их дружное и совместное: «Государственная собственность – это **ничья** собственность!» накануне сначала номенклатурной приватизации 1990 г., а затем в ходе продолжения того же самого в виде «народной приватизации» 1992-1995 годов? **Ничья власть в хозяйстве! Уму непостижимый выверт!**

Такая вульгаризированная модель общественных взаимодействий о-очень ходко использовалась в 1990-е годы в России. Иногда она называлась «смешанное общество». Суть простая: рынок действует объективно, а государство субъективно (сознательно), в итоге - смешанное действие.

В трактовке либеральных фундаменталистов, делавших шоковые реформы в России в 1990-е годы⁴⁷, картина распределения ролей такова: 1) государство не должно лезть в экономику, не то отклонит действие рыночных законов от оптимального режима; 2) неблагоприятные социальные последствия, сопутствующие оптимальному экономическому результату действия рынка, надо, конечно, в какой-то мере компенсировать уже неэкономическими мерами – вот этим пусть и занимается государство; 3) если рыночный механизм не может обеспечить чего-либо, позарез необходимого обществу, пусть это обеспечит нерыночный, государственный сектор. В целом это доктрина «отделения рынка от государства»

В трактовке сталинистов итог рыночных реформ выглядит принципиально так же, разве что порядок получения итога иной. У сталинистов переход от тоталитаризма к капитализму должен происходить так, чтобы нерыночный сектор сохранялся как компенсатор неблагоприятных социальных последствий развития рынка.

Для нас, равно не приемлющих ни либерального фундаментализма, ни сталинизма, существенно, что тот и другой напрочь исключают из механизма общественных взаимодействий классовую борьбу, соотношение социальных сил. Уж лучше вернуться на позиции А.Смита, чем принять одну из вульгарных экономико-

---

⁴⁷ Почему ограничиваю 1990-ми годами? Разве «Программа Г.Грефа» и вся экономическая политика 2000-х годов не продолжает либеральный фундаментализм? Продолжает, конечно, и даже усугубляет. Но я размышляю над книгой В.И.Плакси, а он в своей монографии не заходит дальше 1990-х годов.

детерминистских идеологий – либеральный фундаментализм или сталинизм⁴⁸.

В монографии В.И.Плакси тема взаимодействия государства и рынка труда – одна из центральных. Глава вторая – «Вопрос о вмешательстве или невмешательстве государства в механизм рынка труда». Затем тема государства вновь и вновь вплетается в рассмотрение всех содержательных процессов, связанных с занятостью, с рынком труда и безработицей, как тема экономической политики и социальной политики. А в заключительном третьем разделе – «Политика «минимизации зла»» - тема государственных мер считай что доминирует.

Вопрос об активном и сознательном отношении общества и государства (общества и государства, подчеркнём, а не одного только государства) к действию механизма рынка труда, как пишет В.И.Плакса, давным-давно поставила на повестку дня «не просто противоречивость механизма рынка труда, а **его систематическая социальная трагичность**» (стр.59). Великолепно сказано!

Под систематической социальной трагичностью, я уверен, В.И.Плакса имеет в виду то, что сформулировал ещё на стр.18 своей книги: «...Что побуждает человека выносить на рынок свой бесценный дар, свою уникальную способность творить, создавать материальные и духовные блага?» Если так, то есть и ещё одна причина постановки в повестку дня вопроса о регулировании рыночно-трудовых отношений обществом и государством. Это конкуренция между нанимателями. Ограничения по условиям труда, по длительности рабочего дня исторически возникали, если не изменяет память, по

---

⁴⁸ А что вы думаете: вполне возможно, что монетаризм (разновидность либерального фундаментализма) оказался идейно приемлемым для ельцинских реформаторов (и для следующих тоже) не в последнюю очередь в силу сталинистского менталитета гайдаров, чубайсов, ясиных, явлинских, грефов. Некоторые из них ныне прямо говорят, что они марксисты (марксизм и сталинизм для них одно и то же – равнёхонько то, чему их учили в советском вузе).

инициативе предпринимателей, опасавшихся конкурентов-хищников, пенкоснимателей.

В.И.Плакса дельно, концентрированно, глубоко рассматривает, «как ставят и решают этот вопрос в развитых капиталистических странах» (стр. 59-66), а затем пробует применить свои основные теоретические выводы о рынке труда к анализу процессов формирования рынка труда у нас в России. Общая авторская оценка ситуации и тенденций – очень тревожная: все общественно-экономические функции, для которых рынок труда объективно (как подсистема капиталистической системы) предназначен, «...современный российский рынок труда выполняет слабо, его воздействие на национальную экономику имеет скорее отрицательный характер: низкая мобильность рабочей силы, слабая мотивация и низкая производительность труда, неэффективное использование трудовых ресурсов, воспроизводство рабочей силы на уровне выживания, а не развития, - всё это углубляет и без того тяжелое положение российской экономики. Поэтому было бы глубоко ошибочно оставлять рынок труда в положении “Золушки” при проведении экономических реформ» (стр.68).

Принципиальный подход к нормализации положения у В.И.Плакси формируется в пространстве недопустимости сугубо экономического взгляда на действие рынка труда. С удовольствием воспроизведу довольно большой отрывок на эту тему со стр. 70-71:

«... Необходимость регулирования рынка труда обусловлена не только его экономическим, но и социальным характером, который вытекает уже из специфики товара - рабочая сила на рынке труда. Рынок труда, как никакой другой, связан с “человеческим фактором”, с выживанием и развитием как отдельной личности, так и всей нации.

Социальный характер рынка труда становится особо ощутимым в периоды экономических кризисов и нестабильности. Обычные “спутники” рынка труда, такие как безработица, материальная и имущественная дифференциация, социальные конфликты, в условиях

экономической неразберихи обостряются, приобретая уже не только социальный, но и политический характер.

В России к этим бедам добавляется и то, что значительная часть населения еще не адаптировалась к рыночной системе, воспринимая социально-экономические трудности как крах идеалов, системы жизненных ценностей, самого смысла жизни. Другая же часть населения, напротив, быстро вошла в ритм рыночной гонки, но весьма своеобразно, воспринимая обман, спекуляцию, жесткую эксплуатацию и даже нарушение закона как естественные черты рыночной системы. Это означает, что российский рынок труда имеет еще и морально-психологический характер

Таким образом, методы регулирования рынка труда как в России в целом, так и в её регионах должны учитывать и общую экономическую ситуацию, и степень развитости социальных отношений, и политическую обстановку, и настроения **различных** слоёв населения».

Но вот ведь незадача: так должно быть, а на деле совсем не так. На ком вина, на ком ответственность за фактическое опасное расхождение между объективно должным и фактически творимым? Узнаёте тему, звучащую в последние месяцы всё отчётливее и отчётливее, - тему социальной ответственности? Пока, правда, громко говорится и отчётливо пишется лишь о социальной ответственности бизнеса. Но ведь бизнес – не единственный субъект социальной и экономической политики. Есть ещё государство. Есть профсоюзы. Или проблема социальной ответственности их не касается?

Касается – таков вывод из проведённого В.И.Плаксей анализа процессов формирования спроса и предложения на рынке труда. На государстве лежит вина за политику замораживания покупательной способности заработной платы (так щадяще пишет В.И.Плакса). Эта политика проводилась в 1990-е годы последовательно и жёстко. Государство сознательно удерживало гарантированный уровень минимальной оплаты труда на уровне 5-15% прожиточного минимума (и продолжает удерживать до сих пор, добавим к слову). Избранная

государством модель реформ фактически прекратила в стране научно-технический прогресс производства. «Далеко не последнюю роль в увеличении безработицы в стране, - пишет В.И.Плакся, - играет также антиинфляционная финансовая политика государства, базирующаяся на отнюдь не бесспорных постулатах монетаристской концепции» (стр.162).

Ещё предметнее тема социальной ответственности государства и хозяйствующих субъектов рассматривается в главах «Конкретно-исторические аспекты спроса и предложения рабочей силы на рынке труда», и «Сущность и экономические основы формирования заработной платы в переходной экономике».

Для учёных и специалистов, привыкших к риторике КПСС, покажется неожиданным и странным тот тон, который задаёт В.И.Плакся рассмотрению соотношения науки и практики. Мы-то с детства слышали слоган «экономическая наука в большом долгу перед практикой». А у В.И.Плакси сказана правда:

«Возможность применения теоретических (и особенно общетеоретических) знаний во многом зависит, конечно же, от подготовленности практиков, вознамерившихся применить теории. Широко встречающееся в нашей стране недоверие к теории (если не сказать точнее - наплевательское отношение к теории) проистекает, как правило, из традиции, воспитанной недостаточной культурой многих и многих управленцев. Весьма кустарные “практические” решения, означающие зачастую не более чем разовый “выход из создавшегося положения”, ценятся у нас выше, чем научно обоснованные, системно построенные, рассчитанные и годные на самодействие “всерьез и надолго”.

Из того факта, что отечественная практика социального управления во многих случаях “не доросла до теории”, совсем не вытекает, будто теория не должна заботиться о своей максимальной конкретизации» (стр.163-164).

Российское правительство слепо доверилось⁴⁹ западным неоклассическим теориям и проигнорировало предостерегающие отечественные разработки. «Сегодня, - пишет В.И.Плакса, - мы можем “гордиться” тем, что являемся единственной страной в мире, которая полностью и безоговорочно реализовала у себя неоклассический рецепт снижения заработной платы, оправдывая это необходимостью борьбы с инфляцией. Как это отразилось на уровне совокупного спроса на труд? С одной стороны, действительно удалось избежать резкого сокращения спроса на труд, и, следовательно, массовых увольнении. Но, с другой стороны, это привело к сужению и без того небольшого платежеспособного спроса основной части населения. Отечественное производство, задавленное конкуренцией со стороны импорта, натолкнулось на проблему реализации продукции, что еще больше ухудшило его финансовое состояние и выразилось в дальнейшем сокращении объемов производства, а значит, и рабочих мест и заработной платы (в форме накопления задолженности). Экономика попала в порочный круг» (стр.169).

И далее: «...Уровень заработной платы влияет на предложение рабочей силы только тогда, когда у людей все-таки есть выбор. К сожалению, в сегодняшней России происходит “коррозия” наемного труда, его социальная девальвация, люди пытаются устроиться там, где доходы позволяют жить достойно: частная торговля, мелкое предпринимательство, а часто и просто криминальная деятельность. В сельских и пригородных районах широкое распространение получили личные подсобные хозяйства

---

⁴⁹ По правде говоря, либеральный фундаментализм (и особенно монетаризм) в теоретическом плане - такая недопустимо абстрактная дичь, что трудно всё-таки поверить (особенно предметно и лично зная интеллектуальный потенциал ряда экономистов, работавших в ельцинском правительстве) в их слепую доверчивость. Видимо, требовалось демонстрировать лояльность Западу. И это, полагаю, было и до сих пор является фактором озвучивания либеральных крайностей с хайкевской оголтелостью.

(ЛПХ), часть продукции которых вывозится на рынок, обеспечивая минимальные доходы...” (стр.170-171)

От себя спросим: а может быть, правы те обществоведы, которые с самого начала объяснили, что декларированные и действительные цели реформаторов не имеют друг с другом ничего общего? Может быть, не следует подозревать реформаторов в некомпетентности, а надо возбуждать дело об антинародных намерениях и преступных деяниях против человечности? По В.И.Плаксе, получается всё же некомпетентность, слепое следование западным теориям и рекомендациям. Но тогда как понимать трижды повторенное на всю страну высокопоставленным должностным лицом администрации Президента Ельцина (А.Б.Чубайсом) заявление: мы, де, допустили много ошибок, но если станете пересматривать достигнутые нами результаты (то есть исправлять наши ошибки), то **«будем стрелять»**? Как это понимать?

Ну, хорошо, с государством и правительством, с их социальной ответственностью в 1990-е годы более или менее ясно. А что сказать о социальной ответственности других субъектов социально-экономической деятельности – бизнесе, профсоюзах, трудовых коллективах?

Надо воздать справедливость автору монографии: он один из немногих политэкономов, который об этих субъектах не забыл. В знак признательности даём обширную выдержку:

«После начала рыночных реформ реальная заработная плата какое-то время повышалась. Связано это было со снятием жестких ограничений на формирование и распределение фонда оплаты труда, с развитием широкой сети кооперативов и арендных предприятий, а также с предоставлением самостоятельности трудовым коллективам в вопросах управления предприятиями. В этот период наиболее острым был вопрос о рациональном распределении средств предприятий на оплату труда и на развитие, расширение производства. Дело в том, что став “совладельцами” собственных предприятий через акционирование и приватизацию, многие трудовые

коллективы решали вопрос о распределении заработанных средств в пользу увеличения заработной платы и других материальных (премии) и социальных (путевки, столовые, детские сады и т.д.) выплат, в ущерб совершенствованию самого производства. Идея “народных предприятий”, апробированная в развитых странах, к сожалению, не прижилась на российской почве. Опыт введения коллективной формы собственности продолжался недолго в России: с одной стороны, сами работники не чувствовали себя хозяевами в смысле заботы о сохранении и процветании предприятий (здесь сказался особый менталитет советского человека, который никогда не был собственником средств производства); с другой стороны, работникам и не давали почувствовать себя хозяевами, реальными собственниками, искусственно ограничивая процент распределяемых между ними акций и степень участия в управлении. Главный мотив противодействия российских реформаторов созданию народных предприятий - возможность возрождения социалистической формы собственности и хозяйствования.

Задним числом приходится признать, что трудовые коллективы, наделённые правом участвовать в управлении, могли бы стать реальной силой на рынке труда, влияя на политику формирования заработной платы и уровень занятости. Но это всё в прошлом. Сегодня трудовые коллективы и советы трудовых коллективов, если еще где-то существуют, то чисто формально. В настоящее время работники разобщены, каждый борется за выживание в одиночку, а профсоюзы, перестав быть, “школой коммунизма”, не превратились еще в реальных защитников наёмных работников.

Начало общей растерянности и краху коллективистских идеалов положила известная шоковая реформа 1992 года, когда одновременно с либерализацией цен была проведена конфискационная денежная реформа. С этого момента стартовал следующий этап “формирования” заработной платы в России. Мощный инфляционный процесс сильно изменил

“расстановку сил” на рынке труда. А отсутствие приемлемой и своевременной индексации заработной платы, профсоюзной и государственной социальной защиты работников наёмного труда привело, с одной стороны, к резкому снижению реальных доходов населения, с другой стороны, - к полной экономической власти работодателя. Да и сами работодатели (фирмы и предприятия) оказались на грани банкротства» (стр. 191-193).

О бизнесе и его хищничестве в годы шоковых реформ в монографии сказано, конечно, маловато. Но это, пожалуй, и понятно. Бизнес играл далеко не первую скрипку в годы реформ. Демиургом,⁵⁰ создавшим новую социально-экономическую реальность, отягощённую злом бесчеловечности, было государство и те международные силы, от которых оно зависело. Бизнес стал лишь исполнителем его (их) социальной и экономической политики. Непротивление профсоюзов и трудовых коллективов политике шоковых реформ обернулось перерождением существа и содержания самых ключевых социально-экономических категорий. Ах, сколь многие социологи и экономисты разглагольствуют последние 10-15 лет о рынке труда, о заработной плате, об экономических пропорциях, о государственном регулировании рыночной экономики, о конкуренции, о ВВП, о том и о сём, не замечая, что содержание (и существо) предметов их обсуждения **переменилось** в годы пореволюционных реформ в России **качественно**, иногда на противоположное! Многие. Но не В.И.Плакса.

Вот один из чётко проработанных им сюжетов - вопрос о минимальной заработной плате и механизмах её гарантирования. «...В 1992 г., после либерализации цен, стало ясно, что без законодательного закрепления минимальных стандартов не выживет ни экономика, ни само правительство. 2 марта 1992 г. вышел Указ Президента РФ № 210 “О системе минимальных потребительских бюджетов населения Российской

---

⁵⁰ Демиург – непосредственно творческое начало, создающее материю, отягощённую злом.

Федерации”, согласно которому повышение минимальных размеров оплаты труда, пенсий, стипендий и других социальных выплат должно осуществляться на основе минимальных потребительских бюджетов. Однако при этом было сделано три оговорки, которые характеризуют, по нашему мнению, начавшийся уже тогда курс на снижение заработной платы и доходов населения. Во-первых, повышение предлагалось осуществлять “поэтапно”. Как известно, таких этапов было весьма немного, и в результате рост номинальных доходов резко отстал от роста цен. Во-вторых, согласно Указу, рост заработной платы, пенсий и т.д. должен был происходить “с учетом реальных экономических возможностей”. Вот этот-то пункт был реализован полностью, - нет возможностей, нет и повышения доходов. В-третьих, на период “преодоления кризисного состояния экономики” ориентиром для определения минимальных размеров оплаты труда и социальных выплат становится прожиточный (физиологический) минимум.

Таким образом, налицо две тенденции в определении минимальных стандартов: попытка избежать их четкого законодательного закрепления именно в качестве минимальных и априорное занижение уровня всех доходов. Такой подход к минимальным стандартам вполне в духе монетаристских взглядов.

В дальнейшем прожиточный минимум стал главным стандартом для определения минимальной оплаты труда и других выплат. Причём парадокс ситуации состоит в том, что прожиточный минимум превратился в верхнюю границу для минимальной заработной платы, в “цель стремлений”. Уже в 1992 году минимальная заработная плата составляла 24 % от размера прожиточного минимума, в 1994 г. (конец декабря) - 12%, в 1995-1996 гг. - 17%, в 1997 г. она снова поднялась до 20%. По август 1998 года сделал минимальную зарплату воистину символической. В 2001 г. она составила лишь 19% от прожиточного минимума.

В подобной ситуации теряет смысл сам показатель прожиточного минимума, а также “минимальный

потребительский бюджет”, “рациональный потребительский бюджет”, “минимум материальной обеспеченности” и т.п. Получается, что все эти показатели рассчитываются “для любопытства”, для сравнения, просто для статистики, но никак ни для реальной социальной защиты на рынке труда. По существу, уровень минимальной заработной платы в России сегодня определяется упомянутыми выше “реальными экономическими возможностями”, то есть возможностями государственного бюджета, а не необходимостью поддерживать нормальное воспроизводство рабочей силы.

Да и само понятие “минимальная заработная плата” ставится с ног на голову. Например, если на Западе минимальная заработная плата установлена на уровне 40-50 % средней зарплаты, то это означает, что ни один работник не может получить меньше этих 40-50 %, а те, кто получает минимальную заработную плату, могут поддерживать социально приемлемый уровень жизни. Таким образом, смысл минимальной заработной платы - это предоставление социальной гарантии для каждого работающего. Другими словами, если человек имеет работу (неважно, какую), то он автоматически имеет гарантию нормальной материальной обеспеченности.

В России же минимальная заработная плата по существу “гарантирует” вымирание, и то, что ни один работающий россиянин по закону не может получить меньше, утешает слабо. Тот факт, что человек работает по найму, в России часто означает лишь то, что он стоит за чертой бедности» (стр. 196-198).

Наука о «лишнем» ресурсе

Пусть наш читатель не подумает, что книга В.И. Плакси – острополюемична, публицистична и т.п. Нет, это весьма и весьма академическая книга, это, без малейшего преувеличения, фундаментальный труд по проблемам безработицы, а В.И.Плакса в этой области - знаток, по-видимому, №1. Не в смысле постоянного нахождения в курсе дела, а в смысле широты охвата проблемы и

глубины понимания. Это я вылавливаю в академическом труде «вторую производную» методологии – сдвиги в подходах, отказ от экономико-детерминистского в них и нарастание диалектически и исторически материалистического.

Раздел второй монографии – ««Лишний» ресурс (экономическая природа и социальные последствия безработицы)». Раздел образцово академичный, с солидной теорией, проработанными классификациями, с учётом того, как думают и делают у них на Западе и у нас в России. И более того – с рассмотрением не только явных, но и скрытых процессов. Не многие, что у нас, что на Западе, рискнули бы дать в книге главу «Проблемы теории и практики скрытой безработицы». А у В.И.Плакси такая глава есть, притом весьма содержательная.

Второй раздел монографии не нарочито, не агитационно, а с доказательной непреклонностью вскрывает недопустимую ограниченность узкоэкономического подхода к феномену безработицы. Согласно такому подходу, безработные – всего лишь лишний ресурс. Но на практике (по крайней мере, в западных национальных хозяйствах) неизменно оказывается, что по отношению к безработице не проходит классический либеральный (и неолиберальный) рецепт: пусть-де всем тем, что лишнее для бизнеса, занимается государство. Слишком сложная это материя - безработица, чтобы подчиниться таким рецептам. И начинается «порча» безупречно оптимальных чисто рыночных моделей: такие издержки, как зарплата, становятся «липкими»; профсоюзы оказываются факторами макроэкономических решений, тогда как рыночные модели вообще исключают из рассмотрения какие-либо субъекты; государство (на Западе) проявляет ответственное отношение к безработице и поневоле «ущемляет свободу» бизнеса; и т.п. Под влиянием всего этого, как специально рассматривает В.И.Плакса, происходит «эволюция западных (не считая марксизма) теорий: от классических экономических абстракций к поэтапному освоению социально-классовых реальностей»

(стр.208-217). Жаль, что автор не пояснил это «(не считая марксизма)» - хороший вышел бы методологический сюжет. Например, выяснилось бы, что живой марксизм в этой эволюции не нуждается, поскольку изначально зачат и развит на учёте социально-классовых реальностей, а вульгарный «марксизм» - сталинизм – не способен на эволюцию, как всякое собрание мёртвых догм.

Читая В.И.Плаксу дальше, особенно параграф «Российская деформационная спираль и её порочные круги», я заподозрил автора вот в чём. Отмечая в должной мере причины и содержание российских извращений в развитии хозяйства вообще и рынка труда в частности, В.И.Плакса пишет о политике российского правительства так, будто оно вроде как щадит население, не считает пригодными резкие меры на рынке труда. Вот прочтите:

«Для того, чтобы разорвать сложившуюся систему заколдованных, порочных кругов и выйти из ловушек, некоторые теоретики-экономисты предлагают перейти к кардинальному реформированию в сфере занятости, ибо сохранение массовой скрытой безработицы, “безработицы на рабочем месте”, по их мнению, является главным препятствием экономической реформы. Так, например, высказывалось мнение, что современное состояние занятости населения коренным образом противоречит общим установкам на экономические реформы, поэтому де необходим “шоковый вариант” реформирования занятости, радикальное формирование эффективной занятости рыночного типа.

Современная рыночная экономика накопила немалый опыт превращения скрытой формы безработицы в открытую и создания условий для эффективного использования трудоспособного населения в народном хозяйстве. Однако мировая практика свидетельствует, что решение проблемы безработицы - это не только экономическое, но и социально-политическое явление. Общеизвестно, что нельзя допустить роста безработицы выше социально предельного, критического уровня, так как это может создать взрывоопасную социально-политическую ситуацию.

“Шоковый вариант” реформирования сферы занятости в России будет означать значительное превышение критического социально опасного уровня безработицы. Избежать при “шоковом варианте” реформирования занятости массовой безработицы невозможно. Отрицательные социальные последствия этого шага по своим масштабам не будут уступать шоку либерализации цен начала 1992 г. Второго шокового мероприятия население может не выдержать, и власть может полностью лишиться народного доверия. Поэтому нынешняя система власти вынуждена идти на меры постепенного формирования занятости рыночного типа, даже ценой деформирования условий оплаты труда (прежде всего сохранения низкого уровня зарплаты) при уровне цен на товары и услуги, не уступающем мировому, а также ценой сохранения номинально высокой занятости, допускающей неэффективное использование работников на производстве» (стр.221-222)..

Полагаю, что В.И.Плакса сильно приукрашивает деятельность российского правительства. Во-первых, оно давным-давно поняло, что никаких опасностей взрыва «шоковая экономическая политика» не таит. Во-вторых, «народное доверие» не является для него ни ценностью, ни ориентиром – тем более с такой-то массовой пропагандой и с таким аппаратом силового подавления!

Отказ правительства от варианта шоковой крупномасштабной безработицы вызван, по-моему, вовсе не гуманными соображениями, а отказом от того варианта будущего для России, который для своей Родины невольно «держит в голове» каждый патриот-россиянин. Вот хотя бы и В.И.Плакса, который так рассуждает о пути к нормализации положения:

«Проведение структурно-институциональной политики, включая политику реформирования занятости, банкротства и санации предприятий становится не только экономическим, но и социально-политическим императивом. Главное заключается в том, какой характер придать институционально-структурной политике - радикальный или эволюционный. По нашему мнению,

России подходит больше всего умеренный тип институционально-структурных преобразований. Этому будет способствовать постепенное рассасывание скрытой формы безработицы в течение длительного периода времени при сохранении преобладающих уравнивающих тенденций в оплате труда для основной массы работников. Такой эволюционный путь решения проблемы скрытой безработицы может показаться недостаточно прогрессивным с сугубо экономической точки зрения, однако, с социальной точки зрения, с позиции сохранения социальной стабильности в обществе и солидарности работающих и безработных, такой подход вполне оправдан. Необходима взвешенная оценка как экономических, так и социально-политических последствий безработицы» (стр.222).

А я полагаю, что правительство (точнее, государство в целом), начиная с «Программы Г.Грефа», взяло курс на сегрегацию населения, на завершение глобализационного характера реформ, на выход к полуколониальной (или колониальной) структуре экономики и общества. В такой структуре на более или менее приличном уровне (примерно на уровне 50% от благосостояния развитых капиталистических стран) живёт до 20% населения, занятого экспортными отраслями (точнее, занятыми в рамках транснациональных корпораций), плюс силовые и карательные структуры, обеспечивающие государственную безопасность режима. 80% (или около того) оказываются не просто лишним ресурсом, а лишним народом, обременяющим пути к процветанию и интеграции в новый порядок глобального капитализма.

Если бы реальная цель современного российского государства была не такой, то не такой, как сейчас, была бы и его социальная и экономическая политика. Оно не так распорядилось бы золото-валютными запасами и пресловутым стабфондом, оно стремилось бы в первую очередь погасить внутренний государственный долг, а не досрочно выплачивать внешние долги, и т.п.

Кто-то скажет: жизнь покажет. А по-моему, уже показала. Куда же яснее?

Ещё несколько замечаний

Заключительный, третий раздел монографии назван очень удачно – «Политика «минимизации зла»». Именно такими с самого начала были и стратегия, и содержание политики занятости нашего нового государства. Не искоренение зла – безработицы, а его минимизация. Из этой установки проистекало очень многое в замыслах и в действиях.

В.И.Плакса дал в третьем разделе добросовестный и довольно полный свод мероприятий государства в сфере занятости. В целом В.И.Плакса понимает и принимает проводившуюся и поныне проводимую политику. Его выкладки, обобщения, догадки и предложения профессиональны, весомы, интересны. Но читать и воспринимать всё это нужно, имея в виду и другие подходы. Особенно те, которые в принципе не одобряют проводившейся и проводимой политики «минимизации зла».

Из таких позиций упомяну две.

Одна – исследования Т.Я.Четверниной, фундаментально доказавшей, что политика государства в годы реформ намеренно игнорировала проблемы социальной защиты безработных⁵¹.

Вторая – моя (Б.В.Ракитского) позиция, начиная с 1993 года, многократно высказанная в печати, на разных форумах и в служебных документах. Суть позиции: установка на минимизацию безработицы с самого начала была установкой на абы какую занятость и сводилась к лицемерной пропаганде малого предпринимательства и самозанятости. Государство не желало ни инициировать, ни организовывать крупные народнохозяйственные проекты и программы по развёртыванию и реконструкции десятков миллионов рабочих мест с целью выведения их на конкурентоспособный (по мировым меркам) уровень. Государство не выполнило своих международных

---

⁵¹ Четвернина Т.Я. *Социальная защита от безработицы и её институциональное обеспечение.* – Дисс. ... доктора экономических наук. М. Институт экономики РАН. 2002. 324 с.

обязательств – действовать в направлении достижения полной, продуктивной и свободно избранной занятости.

Оценивая книгу В.И.Плакси в целом, я ничуть не сомневаюсь, что эта книга – одна из самых удачных и ценных публикаций последнего времени по проблемам рынка труда, занятости и безработицы

P.S. Не могу напоследок не отметить ещё одну приятную особенность книги. Она легко читается. Не в смысле облегчённости содержания – нет. Содержание в ней как раз густое, впору завидовать и брать пример. Дело в другом: читатель не тратит времени на разгадку смысла, всё изложено отчётливо, нет корявых, изуродованных фраз. И это в издательстве РАГС (!?) – одном из немногих теперь оазисов пресловутой советской манеры редактирования, при которой редактор считает себя вправе кастрировать смысл, не говоря уже об увечии авторского стиля. Сам испытал это в издательстве РАГС. Ничего такого в книге В.И.Плакси не заметно. Разгадка – на 382 странице.: «Издаётся в авторской редакции». Повезло и автору, и читателям!

Б.В.Ракитский

ПРАВИЛА

представления материалов и их публикации

в периодическом издании

“ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА”

1. Периодическое издание “Обществознание большинства” является научным обществоведческим изданием по преимуществу фундаментального профиля. Идеологическая направленность издания - развитие и

пропаганда собственной идеологии трудящихся и эксплуатируемых классов.

2. “Обществознание большинства” издаётся на русском языке.

3. Материалы для публикации представляются их авторами на русском языке. Обязательно представление текста в электронном виде (на дискете или по E-mail по адресу: university-w@yandex.ru). Представление на бумаге тоже возможно, но не обязательно. Адрес: Периодическое издание “Обществознание большинства”, Проспект Вернадского дом 113 кв. 244. Москва Россия. 119571.

4. Представленные в издание и публикуемые материалы цензуре не подлежат.

5. Окончательное решение об отборе материалов для публикации принимает главный редактор конкретного выпуска. Редактор обязательно сообщает автору, принимается или не принимается к публикации представленный материал.

6. Развернутое рецензирование представленного материала и развёрнутая мотивировка его непринятия для публикации не осуществляются из-за отсутствия для этого у редакции сил и средств.

7. Материал, требующий литературного редактирования или содержащий значительное количество грамматических ошибок, может быть возвращён для приведения в соответствие с нормами русского языка и русского текста (правило касается только авторов, для которых русский - родной язык).

8. Текст печатается в том виде, в каком его представил автор. Редактор в праве предложить автору вариант редакции, если вариант не касается смысла. Автор в праве настаивать на своем варианте редакции. Редактор в праве сделать собственное примечание к тексту, если желает выразить своё отношение к смыслу сказанного автором. Однако автор в праве ответить на это примечание. Последнее слово остаётся всегда за автором. Но он в праве и не комментировать примечание редактора.

9. Редакция не выплачивает гонораров за статьи. Бесплатно автору предоставляются 10 авторских экземпляров выпуска, в котором напечатан его материал. Пересылка за счёт редакции.

10. Редакция надеется на отклики читателей и приветствует их. За редким исключением, редакция не печатает отклики и просто письма в редакцию, но чутко учитывает их в своей работе. Отклики передаются авторам статей. Редакция в переписку не вступает.

**Библиотека
обществознания большинства**

Петраков Николай Яковлевич

Последняя игра Александра Пушкина. – М.: «Экономика». 2003. 126 с.

Давыдов Юрий Николаевич

ЭСТЕТИКА НИГИЛИЗМА (искусство и «новые левые»). – М.: «Искусство». 1975. 271 с.

Семёнов Юрий Иванович

На заре человеческой истории. – М.: «Мысль», 1989. 318 с.

Ракитский Борис Васильевич

Социальная политика (социально-политические взаимодействия) на уровне предприятия (корпорации). – Периодич. издание «Трудовая демократия» Выпуск 49. М.: Школа трудовой демократии. 2005. 71 с.

СОДЕРЖАНИЕ выпуска № 2

РАКИТСКАЯ Галина Яковлевна
СОВРЕМЕННАЯ ТЕОРИЯ ЭКСПЛУАТАЦИИ
(эксплуатация как тип социально-трудовых отношений) 3

МАНДЕЛЬ Давид

СОЦИАЛЬНО-ТРУДОВЫЕ ОТНОШЕНИЯ ПО ПОВОДУ ОРАНЫ ТРУДА: КАНАДСКИЙ ОПЫТ	31
1. <i>Охрана труда и соотношение классовых сил</i> .31	
2. <i>Этапы борьбы</i>	33
3. <i>Ограниченный характер новых прав</i>	44
4. <i>Сила есть сила</i>	51
5. <i>Почему так получилось?</i>	53
6. <i>О соотношении сил: вместо заключения</i>	56
7. <i>28 апреля - День траура</i>	59

Приложения к статье

ДОКУМЕНТ.

ДЕКЛАРАЦИЯ ПРИНЦИПОВ ПО ОХРАНЕ ТРУДА Канадского профсоюза работников автомобилестроения, аэрокосмической промышленности, транспорта и других отраслей (CAW-TCA)	60
--	-----------

ДОКУМЕНТ

ПРИМЕРНЫЙ РАЗДЕЛ ПО ОХРАНЕ ТРУДА КОЛДОГОВОРА ПРОФСОЮЗА CAW-TCA	62
---	-----------

Размышления над текстом

РАКИТСКИЙ Борис Васильевич

**ЭКОНОМИЧЕСКИЕ ШОРЫ,
ПОХОЖЕ, ВЫХОДЯТ-ТАКИ ИЗ МОДЫ...**

(Плакса Вячеслав Иванович. БЕЗРАБОТИЦА: теория и современная российская практика (социально-экономический аспект). Монография. – М.: Издательство РАГС. 2004. 384 с.)

<i>Горизонт видения .....</i>	<i>68</i>
<i>Рынок труда и найм: экономический и общественный контексты .....</i>	<i>71</i>
<i>Социальная безответственность российского государства в 1990-е годы .....</i>	<i>77</i>
<i>Наука о «лишнем» ресурсе .....</i>	<i>89</i>

***Ещё несколько замечаний* 93**

ПРАВИЛА

**представления материалов и их публикации
в периодическом издании**

“ОБЩЕСТВОЗНАНИЕ БОЛЬШИНСТВА” 95

Библиотека обществознания большинства

(библиографический указатель) 30; 96